МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ИМЕНИ К.Д. УШИНСКОГО (MIPO.ONLINE)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

№ 3

(ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Московский институт профессионального образования имени К.Д. Ушинского
Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца
Официальный сайт журнала: https://state-law.online
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90670 от 29 января 2026 г.)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный сетевой научно-правовой РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам теории и истории права и государства. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями в сфере теории государства и права.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Сангаджиев Бадма Владимирович

Редактор: Тарыгина Дарья Александровна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр “Гранд Сетунь Плаза”.
Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://state-law.online **E-mail:** editor@mipo.online
WhatsApp: +7-977-672-55-22

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Теория государства и права» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах.
Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© МИПО им. К.Д. Ушинского, 2026.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор,
академик Российской академии образования,
профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.1. — Теоретико-исторические правовые науки

• *Грудцына Людмила Юрьевна,* доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• *Дорская Александра Андреевна,* доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• *Миронов Василий Олегович,* доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• *Пашенцев Дмитрий Алексеевич,* доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.

• *Усанов Владимир Евгеньевич,* доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor,
Academician of the Russian Academy of Education,
Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the
Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.1. — Theoretical and historical legal sciences

• *Grudtsyna Lyudmila Yuryevna,* Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

• *Dorskaya Alexandra Andreevna,* Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

• *Mironov Vasily Olegovich,* Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

• *Pashentsev Dmitry Alekseevich,* Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. And about. Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.

• *Usanov Vladimir Evgenievich,* Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного и международного права
ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)».

• *А.П. Галоганов,* доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• *В.Н. Жуков,* доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• *В.В. Комарова,* доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• *И.А. Конюхова,* доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• *А.В. Рагулин,* доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• *Б.С. Эбзеев,* доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.

• *Н.Д. Эриашвили,* доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional and International Law of the
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

• *A.P. Haloganov,* Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• *V.N. Zhukov,* Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• *V.V. Komarova,* Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• *I.A. Konyukhova,* Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• *A.V. Ragulin,* Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• *B.S. Ebzeev,* Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• *N.D. Eriashvili,* Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Захаров А. Е. * Методология исследования цифровой трансформации механизма государства 9

Грудцына Л. Ю. * Основные избирательные системы современности 15

Пичко Н. А. * Соотношение федерализма и социального государства на примере социальных фондов 21

ТЕОРИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Орлова-Мядзель О. А. * Соотношение истины, правды и правосудия в современном судопроизводстве: процессуальный формализм как фактор нарушения их баланса (на примере кассационного производства) 26

Стус Н. В. * Юридическая техника адаптивной ретрансляции нормы: доктринальная модель правовой коммуникации с непрофессиональным адресатом (на материале напутственного слова председательствующего в суде присяжных) 39

Котельникова А. А. * Субъект уголовной ответственности за незаконную охоту 45

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Эриашвили Н. Д. * Пределы цифровизации публичной власти: теоретико-правовой анализ 50

РЕЦЕНЗИЯ

Михайлова Н. В. * Рецензия на коллективную монографию «Развитие российского права в 1940-е годы» под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С.А. Боголюбова и доктора юридических наук, профессора Д.А. Пашенцева 58

CONTENTS:

THEORY OF STATE AND LAW

Zakharov A. E. * Methodology for studying the digital transformation of the state mechanism 9
Grudtsyna L. Yu. * Major electoral systems of the modern era 15
Pichko N. A. * Relationship between federalism and the social state on the example of social funds 21

THEORY OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Orlova-Myadzel O. A. * Relationship of truth, truth and justice in modern court proceedings: procedural formalism as a factor of violation of their balance (based on the example of cassation proceedings) 26
Stus N. V. * Legal technique of adaptive relationship of a norma: a doctrinal model of legal communication with a non-professional addressee (based on the opening address of the presiding judge in a jury trial) 39
Kotelnikova A. A. * Subject of criminal liability for illegal hunting 45

HISTORY OF STATE AND LAW

Eriashvili N. D. * The limits of digitalization of public authority: a theoretical legal analysis 50

BOOK REVIEW

Mikhailova N. V. * Review of the collective monograph "Development of Russian Law in the 1940s" under the general editorship of Doctor of Law, Professor S.A. Bogolyubov and Doctor of Law, Professor D.A. Pashentsev 58

Дата поступления рукописи в редакцию: 15.09.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-9-14

ЗАХАРОВ А. Е.,
аспирант кафедры частного права,
Государственный университет управления,
e-mail: andriano98zaharov@yandex.ru

Научный руководитель:
ШАГИЕВА Розалина Васильевна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: shagsas@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА

Аннотация. В статье рассматриваются методологические подходы к исследованию цифровой трансформации механизма государства. Обосновывается необходимость разграничения технологической модернизации отдельных направлений деятельности государственных органов и изменений, приобретающих значение для механизма государства в целом. Показано, что установление цифровой трансформации и оценка ее правового содержания представляют собой взаимосвязанные, но самостоятельные задачи исследования. Для выявления характера и масштаба происходящих изменений предлагается комплексное применение системного, диалектического, историко-правового и иных методологических подходов. Особое значение придается институционализации цифровых изменений, связанной с их устойчивым включением в порядок осуществления государственно-властной компетенции, реализации государственных функций и взаимодействия элементов государственного механизма. Правовая оценка выявленных изменений проводится с использованием либертарно-юридического подхода, позволяющего рассматривать их с точки зрения сохранения формального равенства и равной меры правовой свободы личности при взаимодействии с государством.

Ключевые слова: цифровая трансформация, механизм государства, цифровизация, методология юридической науки, системный подход, институционализация, публичная власть, государственно-властная компетенция, формальное равенство, правовая свобода.

ZAKHAROV A. E.,
Postgraduate Student, Department of Private Law,
State University of Management

Academic Supervisor:
SHAGIEVA Rozalina Vasilievna,
Doctor of Legal Sciences, Professor

METHODOLOGY FOR STUDYING THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE STATE MECHANISM

Annotation. The article examines methodological approaches to studying the digital transformation of the state mechanism. The necessity of distinguishing between the technological modernization of individual areas of activity of state bodies and changes that acquire significance for the state mechanism as a whole is substantiated. It is shown that identifying digital transformation and assessing its legal content are interrelated but independent research tasks. To identify the nature and scale of the changes taking place, a comprehensive application of systemic, dialectical, historical-legal, and other methodological approaches is proposed. Particular importance is attached to the institutionalization of digital changes, which is associated with their stable integration into the procedure for exercising state power, implementing state functions, and the interaction of elements of the state mechanism. The legal assessment of the identified changes is carried out using a libertarian-legal approach, which makes it possible to assess them in terms of preserving formal equality and an equal measure of legal freedom of the individual in interaction with the state.

Key words: digital transformation, the mechanism of the state, digitalization, methodology of legal science, systems approach, institutionalization, public authority, state power competence, formal equality, legal freedom.

Введение

Цифровая трансформация государства стала одним из заметных направлений развития современной государственно-правовой действительности. Цифровые технологии используются в деятельности государственных органов, при осуществлении государственных функций, во взаимодействии органов власти между собой и с гражданами. Однако само распространение цифровых технологий еще не объясняет характера изменений, происходящих в государстве. Для юридической науки важно установить не только факт использования новых технологий, но и определить, какое влияние они оказывают на организацию и функционирование государственной власти.

Особое значение этот вопрос приобретает при исследовании механизма государства. Внедрение информационной системы, перевод документооборота в электронную форму или автоматизация отдельной операции могут существенно изменить деятельность конкретного государственного органа, но сами по себе еще не свидетельствуют о трансформации механизма государства. Иная ситуация возникает тогда, когда цифровые изменения затрагивают способы реализации государственно-властной компетенции, взаимодействие государственных органов и устойчивые связи между элементами государственного механизма. Поэтому исследование цифровой трансформации требует методологии, позволяющей различать изменения разного уровня и масштаба.

Сложность заключается и в том, что механизм государства представляет собой не простую совокупность государственных органов. Его элементы находятся в постоянном взаимодействии и участвуют в осуществлении функций государства. В условиях цифровизации изменяться могут не только технические средства их деятельности, но и фактический порядок реализации полномочий, способы обмена юридически значимой информацией, последовательность отдельных процедур и характер межорганного взаимодействия. При этом нормативно установленная компетенция государственного органа может формально оставаться неизменной.

Вместе с тем недостаточно установить и сам факт изменения механизма государства. Цифровая трансформация может повышать скорость взаимодействия государственных органов, сокращать количество административных операций и упрощать отдельные процедуры. Однако организационная или технологическая эффективность еще не означает, что происходящие изменения соответствуют правовой природе государства. Поэтому методология исследования должна решать две взаимосвязанные, но различные задачи: устанавливать наличие цифровой трансформации механизма государства и давать правовую оценку ее последствиям.

Решение первой задачи предполагает исследование механизма государства как развивающейся системы, элементы которой связаны между собой компетенционными, функциональными и организационными отношениями. Здесь особое значение имеют системный, структурно-функциональный, диалектический и исторический подходы. Они позволяют определить масштаб происходящих изменений, проследить их развитие и установить, в какой момент цифровая модернизация отдельных процессов приобретает значение для государственного механизма в целом.

Вторая задача связана с оценкой правового содержания выявленных изменений. Само по себе преобразование способов осуществления государственной власти не может рассматриваться как положительное или отрицательное только исходя из его технологической эффективности. Необходимо учитывать положение человека во взаимодействии с государством, фактические возможности реализации прав и сохранение правовой определенности при осуществлении публичной власти. В связи с этим организационно-системный анализ цифровой трансформации должен быть дополнен собственно правовым критерием ее оценки.

Исследование цифровой трансформации механизма государства, следовательно, не может быть сведено к использованию какого-либо одного методологического подхода. В одном случае необходимо установить масштаб цифровых изменений и определить, затрагивают ли они механизм государства в целом, в другом проследить процесс их формирования. Отдельного решения требует вопрос о правовом содержании уже произошедших изменений. Этим задачам соответствуют различные методы исследования, которые далее будут рассмотрены применительно к цифровой трансформации механизма государства.

Методологические подходы к исследованию цифровой трансформации механизма государства

В связи с чем, определенное значение для исследования цифровой трансформации механизма государства приобретает конструктивистский подход, сложившийся в рамках постнеклассической юриспруденции. Суть данного подхода заключается в том, что государственно-правовые явления не являются раз и навсегда заданными, а их содержание формируется и изменяется в процессе общественного развития и научного осмысления происходящих изменений.

Применение конструктивистского подхода позволяет учитывать, что понятия, используемые для описания цифрового развития государства, также являются результатом научного осмысления новых процессов. Поэтому при исследовании цифровой трансформации механизма государства важно не только использовать уже сложившиеся категории, но и устанавливать, насколько точно они отражают изменения, происходящие в организации и осуществлении публичной власти.

Возможности конструктивистского подхода в рамках настоящего исследования имеют свои пределы. Он необходим прежде всего для теоретического осмысления новых государственно-правовых явлений и уточнения используемых для их описания категорий. Однако вопрос о том, насколько глубоко цифровые изменения затрагивают механизм государства, требует обращения и к другим методологическим подходам.

Важное значение для исследования цифровой трансформации механизма государства имеет и человеческое измерение происходящих изменений. Государственный механизм не существует независимо от деятельности людей: посредством государственных органов и должностных лиц реализуются властные полномочия, а граждане вступают во взаимодействие с государством при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей. В этом отношении заслуживает внимания позиция И. Л. Честнова, связывающего конкретное содержание права с деятельностью людей. [9, с. 45] Поэтому изменение способов осуществления публичной власти необходимо рассматривать не только с точки зрения организации деятельности государственных органов, но и с учетом того, как эти изменения отражаются на положении человека во взаимоотношениях с государством.

Такой подход приобретает особое значение в условиях цифровой трансформации. Изменение способов взаимодействия человека с государственными органами может затрагивать фактические возможности реализации прав и свобод. В результате вопрос об организационных изменениях механизма государства непосредственно связывается с их правовым содержанием и последствиями для личности.

Информационно-коммуникативный подход позволяет рассматривать цифровую среду не только как совокупность технологий, но и как пространство взаимодействия, в котором меняются способы передачи, обработки и использования информации. Такой взгляд получил развитие и в юридической науке, в частности в коммуникативной концепции права А. В. Полякова и работах других исследователей [8; 7, с. 4]

Применительно к механизму государства на первый план выходит изменение способов взаимодействия его элементов. Развитие цифровой коммуникационной среды создает новые формы обмена юридически значимой информацией между государственными органами, а также между государством и гражданами. Однако само появление новых средств коммуникации еще не придает таким изменениям государственно-правового значения. Оно возникает по мере включения новых способов взаимодействия в устойчивый порядок осуществления публичной власти.

Отдельные предпосылки исследования подобных изменений можно обнаружить уже в концепциях информационного общества. Так, Р. Ф. Абдеев, рассматривая развитие информационной цивилизации, связывал информатизацию не только с технологическими изменениями, но и с преобразованием организации власти. В частности, им выделялись «власть информации» и «власть интеллекта», которые должны были взаимодействовать с существующими структурами власти. [1, с. 95–98] Независимо от оценки предложенной автором модели, для настоящего исследования важна сама постановка вопроса о том, каким образом развитие информационной среды способно влиять не только на средства деятельности государства, но и на организацию взаимодействия властных структур.

В основе исследования цифровой трансформации механизма государства лежит системный подход. Механизм государства в этом случае рассматривается как целостное образование, элементы которого структурно упорядочены и находятся во взаимосвязи. [2, с. 217–219] Поэтому предметом анализа становятся не только изменения отдельных государственных органов, но и связи, посредством которых они образуют единую функционирующую систему.

Системное значение цифровых изменений определяется характером затрагиваемых ими связей. В механизме государства к ним относятся прежде всего компетенционные, функциональные и межорганные связи. Их изменение может выражаться в преобразовании фактического порядка осуществления полномочий, участия различных элементов государственного механизма в реализации государственных функций, а также процедурного и организационного взаимодействия государственных органов. Именно анализ таких связей позволяет определить масштаб изменений, происходящих в государственном механизме.

В условиях цифровизации системный анализ дополняется системно-кибернетическим подходом. В центре внимания в данном случае находятся процессы получения, передачи, обработки и использования информации, сопровождающие взаимодействие элементов механизма государства. Рассмотрение этих процессов в связи с осуществлением государственно-властной компетенции дает возможность определить их место в общей системе осуществления публичной власти.

При определении предмета исследования необходимо учитывать различие между технологическим нововведением и его институционализацией в деятельности государства. Для теории механизма государства значение приобретает тот этап, на котором новый цифровой способ деятельности становится устойчивой частью порядка осуществления публичной власти. Институционализация в данном случае выражается во включении соответствующей практики в осуществление государственно-властной компетенции, реализацию государственных функций либо взаимодействие элементов государственного механизма.

При этом институционализация цифрового изменения не предполагает обязательной после-

довательности, при которой сначала возникает новая практика, а затем происходит ее правовое закрепление. Возможна и обратная ситуация, когда нормативное регулирование предваряет внедрение технологии и создает правовые основания для нового порядка деятельности. Поэтому предметом теоретико-правового анализа выступает не последовательность технологического и правового изменений сама по себе, а характер их взаимосвязи и значение складывающейся практики для функционирования механизма государства.

Цифровая трансформация затрагивает государственный механизм, который одновременно сохраняет устойчивость и находится в процессе постоянного развития. Его основные элементы и правовые основы их деятельности могут оставаться неизменными, тогда как способы осуществления государственной власти постепенно меняются. На этот процесс воздействуют различные политические, экономические, социальные и технологические факторы. Именно такое сочетание устойчивости и изменчивости определяет значение диалектического подхода для настоящего исследования.

С этих позиций цифровую трансформацию следует рассматривать как процесс, который развивается постепенно. Первоначально цифровые технологии могут изменять отдельные операции и способы деятельности государственных органов, не затрагивая сложившуюся организацию государственного механизма. Однако по мере распространения и институционализации новых способов деятельности такие изменения способны приобретать качественное значение, затрагивая осуществление государственно-властной компетенции и взаимодействие элементов механизма государства.

При этом само увеличение числа используемых цифровых технологий еще не свидетельствует о трансформации механизма государства. Принципиальным становится изменение их роли в осуществлении публичной власти. Поэтому количественное распространение цифровых решений может рассматриваться лишь как предпосылка трансформации, тогда как качественные изменения связаны с их устойчивым включением в организацию и функционирование государственного механизма.

Цифровая трансформация механизма государства происходит в уже сложившейся системе государственно-властных отношений, поэтому характер происходящих изменений нельзя рассматривать вне исторического контекста. Историко-правовой метод позволяет рассматривать государственный механизм в развитии, выявляя условия его формирования и изменения на различных этапах. [2, с. 109–126] Цифровые технологии внедряются не в абстрактную систему государственной власти, а в уже сложившийся механизм государства, особенности которого являются результатом длительного исторического развития.

Это имеет особое значение при исследовании цифровой трансформации механизма российского государства. Для его исторического развития характерна значительная роль централизованной публичной власти и вертикальных связей в организации государственного управления. [3, с. 31–32] Цифровизация не устраняет эти особенности автоматически. Напротив, новые технологические решения включаются в уже существующую систему государственно-властных отношений и могут как изменять отдельные способы взаимодействия ее элементов, так и воспроизводить сложившиеся организационные принципы в новой технологической форме. Поэтому одинаковые или сходные цифровые технологии способны приобретать различное институциональное значение в зависимости от особенностей государственного механизма, в который они внедряются.

В исторической перспективе современная цифровизация может рассматриваться как один из этапов развития механизма государства. Такое рассмотрение позволяет сопоставить происходящие изменения с предшествующими формами организации публичной власти и отделить действительно новые последствия цифровых технологий от особенностей, которые существовали ранее и лишь получили новую форму выражения в цифровой среде.

При исследовании отдельных проявлений цифровой трансформации может использоваться и герменевтический подход. Распространение электронных форм правовых актов и иных юридически значимых текстов не устраняет необходимости их толкования и установления содержания выраженных в них правовых предписаний. Для исследования механизма государства этот подход имеет вспомогательный характер, поскольку обращен прежде всего к анализу правовых текстов и не охватывает системные и институциональные изменения государственного механизма. [10, с. 55–72]

Исследование цифровой трансформации механизма государства имеет междисциплинарный характер. Происходящие изменения связаны не только с правом, но и с развитием технологий, государственного управления и общественных отношений. Поэтому при их изучении возможно обращение к подходам и результатам исследований в области политологии, экономики, социологии и других наук. [6, с. 73] Вместе с тем такое обращение не изменяет теоретико-правового характера исследования. Междисциплинарность расширяет возможности юридического анализа, но не заменяет его.

Специальные методы юридического исследования

Отдельная задача возникает при сопоставлении нормативно закрепленной компетенции государственного органа с фактическим порядком

ее осуществления в цифровой среде. Для этого используется формально-юридический метод. Его применение особенно важно в случаях, когда объем полномочий государственного органа формально остается прежним, но под воздействием цифровых решений меняется порядок их реализации.

Сравнительно-правовой метод используется для сопоставления различных моделей правового оформления цифровизации публичной власти. Его применение позволяет выявлять общие и особенные способы включения цифровых решений в деятельность государства и учитывать различия условий, в которых происходит цифровая трансформация. Зарубежный опыт при этом выступает не образцом для механического переноса соответствующих моделей, а материалом для проверки и уточнения полученных теоретических выводов.

Анализ отдельных проявлений воздействия цифровых технологий на механизм государства необходимо сочетать с последующим обобщением полученных результатов. Этой задаче отвечает использование методов анализа и синтеза. Правовое моделирование имеет несколько иное назначение и применяется при определении возможных направлений развития государственного механизма и оценке последствий включения новых цифровых решений в порядок осуществления публичной власти.

Методология исследования цифровой трансформации механизма государства должна учитывать изменчивость общественных и технологических условий, в которых развивается государство. Направления и последствия происходящих изменений не всегда могут быть заранее определены. Как отмечает Д. Норт, «мы живем в мире неопределенности и непрерывных изменений, эволюция которого все время идет по новым и неожиданным путям». [5, с. 7] Поэтому задача теоретико-правового исследования состоит не в построении однозначного прогноза дальнейшего развития государства, а в исследовании уже складывающихся изменений и определении их значения для механизма государства.

Правовая оценка цифровой трансформации

Особое значение при оценке цифровой трансформации приобретает разграничение технологической эффективности и правовой допустимости происходящих изменений. Ускорение государственных процедур, автоматизация отдельных операций или повышение доступности цифровых сервисов могут свидетельствовать об эффективности применяемого решения, однако сами по себе не позволяют сделать вывод о его соответствии правовым требованиям. Юридическая оценка предполагает обращение к последствиям такого решения для положения субъектов права.

В рамках либертарно-юридического подхода таким критерием выступает сохранение равной меры правовой свободы. При этом речь не идет об обязательном использовании одинаковых цифровых решений или обеспечении фактически одинаковых условий для всех граждан. Территориальные, инфраструктурные, языковые и иные различия могут требовать различных способов организации цифрового взаимодействия с государством. Юридически значимым становится вопрос о том, обеспечивают ли применяемые решения равные правовые возможности для реализации принадлежащих человеку прав и свобод. [4, с. 3–5]

Заключение

Проведенный анализ показывает, что цифровые изменения механизма государства имеют различный характер и потому требуют сочетания нескольких методологических подходов. При этом предметом теоретико-правового исследования выступают не сами цифровые технологии, а те изменения в организации и осуществлении публичной власти, которые возникают в связи с их использованием.

При системном рассмотрении принципиальным становится вопрос о масштабе происходящих изменений: затрагивают ли они отдельный государственный орган или изменяют связи между элементами механизма государства и порядок его функционирования в целом. Одним из критериев здесь выступает институционализация цифрового изменения, то есть его устойчивое включение в осуществление государственно-властной компетенции, реализацию государственных функций и взаимодействие элементов государственного механизма.

Цифровая трансформация при этом предстает как процесс накопления изменений, которые при определенных условиях приобретают качественное значение для государственного механизма. Характер этого процесса во многом зависит от исторически сложившейся институциональной среды. Специальные юридические методы необходимы уже для более конкретного анализа: сопоставления нормативно установленной компетенции с фактическим порядком ее осуществления, сравнения различных моделей цифровизации и оценки возможных направлений их развития.

Самостоятельную методологическую задачу представляет правовая оценка уже выявленных изменений. Технологическая эффективность цифрового решения сама по себе не свидетельствует о его правовой допустимости. Использование либертарно-юридического подхода В. С. Нерсесянца позволяет оценивать цифровую трансформацию с точки зрения сохранения формального равенства и равной меры правовой свободы личности при взаимодействии с государством.

Ни один из рассмотренных подходов не охватывает цифровую трансформацию механизма государства во всей полноте. Их сочетание необходимо прежде всего для разграничения техно-

логической модернизации отдельных элементов государственного аппарата и изменений, затрагивающих механизм государства как систему. Одновременно такой подход дает возможность установить юридически значимые последствия цифровой трансформации и оценить их воздействие на положение личности во взаимоотношениях с государством.

Список литературы:

[1] Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации: диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI века: учеб. пособие. М.: ВЛАДОС, 1994. 336 с.

[2] Керимов Д. А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. 2-е изд. М.: Аванта+, 2000. 560 с.

[3] Кочеткова Е. А. Централизация как принцип функционирования механизма государства // Труды Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2018. Вып. 35. С. 30–35.

[4] Нерсесянц В. С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 3–15.

[5] Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 256 с.

[6] Погодина И. В. Общество и государство: юридико-цифровые модели взаимодействия: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.1. Владимир, 2025. 503 с.

[7] Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. … д-ра юрид. наук в виде науч. доклада: 12.00.01. СПб., 2002. 93 с.

[8] Ценность права в условиях цифровой реальности: монография / М. А. Беляев, Ю. Ю. Ветютнев, Ю. А. Гаврилова [и др.]; под общ. ред. О. Ю. Рыбакова. М.: Проспект, 2024. 312 с.

[9] Честнов И. Л. Правовая система в постклассической парадигме // Правовая система общества: проблемы теории и практики: труды Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 12 ноября 2010 г. / сост. С. В. Волкова, Н. И. Малышева. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2011. С. 45–50.

[10] Ромашов Р. А. Толкование. Интерпретация. Герменевтика. Проблема определения категориального смысла // Юридическая герменевтика в XXI веке: монография / под общ. ред. Е. Н. Тонкова, Ю. Ю. Ветютнева. СПб.: Алетейя, 2016. С. 55–72.

References:

[1] Abdeev R. F. Philosophy of the Information Civilization: The Dialectics of the Progressive Line of Development as a Humane, Universal Philosophy for the 21st Century: A Textbook. Moscow: VLADOS, 1994. 336 p.

[2] Kerimov D. A. Methodology of Law: Subject, Functions, and Problems of the Philosophy of Law. 2nd ed. Moscow: Avanta+, 2000. 560 p.

[3] Kochetkova E. A. Centralization as a Principle of the Functioning of the State Mechanism // Proceedings of the Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2018. Issue 35. pp. 30–35.

[4] Nersesyants V. S. Law as a Necessary Form of Equality, Freedom, and Justice // Sociological Studies. 2001. No. 10. pp. 3–15.

[5] North D. Understanding the Process of Economic Change / translated from English by K. Martynov and N. Edelman. Moscow: HSE Publishing House, 2010. 256 p.

[6] Pogodina I. V. Society and the State: Legal-Digital Models of Interaction: Doctoral Dissertation in Law: 5.1.1. Vladimir, 2025. 503 p.

[7] Polyakov A. V. A Communicative Concept of Law (Genesis and Theoretical-Legal Substantiation): Doctoral Dissertation in Law (presented as a scientific report): 12.00.01. St. Petersburg, 2002. 93 p. [8] The Value of Law in the Context of Digital Reality: A Monograph / M. A. Belyaev, Yu. Yu. Vetyutnev, Yu. A. Gavrilova [et al.]; ed. by O. Yu. Rybakov. Moscow: Prospekt, 2024. 312 p.

[9] Chestnov I. L. The Legal System in a Post-Classical Paradigm // The Legal System of Society: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Saint Petersburg, November 12, 2010 / comp. by S. V. Volkova, N. I. Malysheva. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2011. pp. 45–50.

[10] Romashov R. A. Interpretation. Exegesis. Hermeneutics. The Problem of Defining Categorical Meaning // Legal Hermeneutics in the 21st Century: A Monograph / ed. by E. N. Tonkov, Yu. Yu. Vetyutnev. St. Petersburg: Aletheia, 2016. pp. 55–72.

Дата поступления рукописи в редакцию: 06.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-15-20

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор, декан факультета профессиональной переподготовки Московского института профессионального образования им. К.Д. Ушинского, председатель Московской городской коллегии адвокатов «Норма права», Почетный адвокат России, эксперт РАН,
ORCID 0000-0001-7731-724X,
https://ludmilagru.academia.edu/research,
e-mail: ludmilagr@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Аннотация. Избирательная система является одним из наиболее чувствительных элементов конституционного строя. Она не создает демократию сама по себе, но способна поддерживать или ослаблять демократические институты. Неправильно подобранная система может усиливать монополизацию власти, исключать значимые группы из представительства, провоцировать недоверие к результатам выборов и снижать легитимность парламента. Автор статьи пишет о том, что юридически сбалансированная система повышает предсказуемость политической конкуренции и делает выборы подлинным механизмом публичной ответственности.

Ключевые слова: избирательная система, мажоритарная система, пропорциональная система, избирательный округ, преференциальное голосование, представительство.

GRUDTSINA Ludmila Yuryevna,
Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Professional Retraining of the Moscow Institute of Vocational Education named after K.D. Ushinsky, Chairperson of the Moscow City Bar Association «Norma Prava», Honorary Attorney of Russia, Russian Academy of Sciences expert

MAJOR ELECTORAL SYSTEMS OF THE MODERN ERA

Annotation. An electoral system is one of the most sensitive elements of a constitutional order. While it does not create democracy on its own, it has the capacity to either support or weaken democratic institutions. An ill-suited system can exacerbate the monopolization of power, exclude significant groups from representation, fuel distrust in election results, and diminish the legitimacy of a parliament. The author argues that a legally balanced system enhances the predictability of political competition and transforms elections into a genuine mechanism for public accountability.

Key words: electoral system, majoritarian system, proportional system, electoral district, preferential voting, representation.

В современном конституционном праве избирательная система понимается в двух взаимосвязанных значениях. В широком смысле это совокупность правовых, организационных, институциональных и процедурных средств, посредством которых народное волеизъявление превращается в публично-властный результат: формирование парламента, выборного главы государства, органов регионального и муниципального уровня. В узком, собственно институционально-техническом смысле избирательная система означает способ перевода голосов избирателей в мандаты или должности, то есть избирательную формулу, соединенную с правилами о размере округов, форме бюллетеня, распределении мест, барьерах, квотах, порядке выдвижения кандидатов и установления результатов голосования. [1, p. 5–7]

Для академического анализа принципиально важно не сводить избирательную систему к «арифметике» подсчета голосов. Она является правовой конструкцией, задающей архитектуру политического представительства. Одна и та же конституционная гарантия права избирать и быть избранным может реализовываться через разные механизмы: одномандатный округ, партийный список, преференциальный бюллетень, смешанную модель, компенсационное распределение мест. Поэтому выбор избирательной системы всегда имеет конституционно-правовое значение: он влияет на равенство голосов, партийную систему, устойчивость правительства, связь депутата с территорией, представительство меньшинств, уровень политической конкуренции и степень персонализации ответственности избранных лиц. [2]

Международная доктрина обычно исходит из того, что не существует универсально «лучшей» избирательной системы. Эффективность конкретной модели зависит от формы правле-

ния, территориального устройства, партийной структуры, масштаба социального плюрализма, политической культуры и административной способности государства обеспечивать честный подсчет голосов. Венецианская комиссия в Кодексе надлежащей практики в избирательных вопросах подчеркивает, что ключевыми являются не абстрактные предпочтения в пользу той или иной формулы, а соблюдение всеобщего, равного, свободного, тайного и прямого голосования, регулярность выборов, нейтральность избирательной администрации и добросовестная организация округов. [3, p. 9–11, 23]

Классификация избирательных систем

В сравнительном правоведении сложились несколько классификационных подходов. Наиболее распространенным является деление систем на мажоритарные, пропорциональные, смешанные и полупропорциональные. Эта классификация отражает не только способ установления победителя, но и базовую философию представительства. Мажоритарные системы преимущественно стремятся выявить победителя в территориальном округе и обеспечить персонально ответственную власть; пропорциональные — максимально соотнести долю голосов с долей мандатов; смешанные — совместить территориальное и партийно-программное представительство; полупропорциональные — смягчить дефекты мажоритарной модели без полного перехода к пропорциональности. [4]

Избирательная система складывается из нескольких элементов. Первый элемент — величина округа: одномандатный округ, многомандатный округ или единый общенациональный округ. Второй — тип бюллетеня: голосование за кандидата, за список, за список с возможностью выбора кандидата, ранжирование предпочтений, одобрение нескольких кандидатов. Третий — избирательная формула: относительное большинство, абсолютное большинство, квоты, делители, передача голосов, компенсационное распределение. Четвертый — юридические фильтры: заградительные барьеры, требования к регистрации партий и кандидатов, правила финансирования, квоты представительства, порядок перераспределения неиспользованных голосов. Пятый — механизм территориального проектирования округов, от которого зависит равенство веса голоса и риск манипулятивной нарезки округов.

Именно сочетание этих элементов порождает реальный политико-правовой эффект. Например, пропорциональная система в едином национальном округе с низким барьером создает один тип партийной конкуренции; пропорциональная система в малых многомандатных округах с высоким барьером — совершенно иной. Мажоритарная система относительного большинства в двухпартийной среде может обеспечивать чередование власти, а в фрагментированном обществе — давать победителю значительную «премию» в мандатах при ограниченной поддержке избирателей. Следовательно, изучать следует не только название системы, но и ее юридический дизайн.

Таблица 1. Базовые модели избирательных систем и их правовой эффект.

Тип системы	Основная формула	Преимущественный эффект	Типичные риски
Мажоритарная	Побеждает кандидат, получивший относительное или абсолютное большинство	Персональная связь депутата с округом; формирование устойчивого большинства	Диспропорция между голосами и мандатами; «потерянные» голоса; зависимость от границ округов
Пропорциональная	Мандаты распределяются между списками пропорционально числу голосов	Партийно-программное представительство; включение меньшинств	Фрагментация парламента; усиление партийных аппаратов; коалиционная нестабильность
Смешанная параллельная	Часть мандатов распределяется по округам, часть — по спискам независимо друг от друга	Комбинация территориального и партийного представительства	Сохранение диспропорций мажоритарного компонента; конкуренция двух логик легитимации
Смешанная компенсаторная	Списочный компонент корректирует диспропорции одномандатных округов	Баланс персонального мандата и общей пропорциональности	Сложность расчета; возможные «избыточные» и компенсационные мандаты
Полупропорциональная / преференциальная	Ограниченное число голосов, единственный непередаваемый голос, кумулятивное или ранжированное голосование	Более гибкое представительство групп и персональных предпочтений	Сложность для избирателя; зависимость результата от стратегии голосования

Мажоритарные избирательные системы

Мажоритарная система исходит из идеи победы большинства или, в более мягком варианте, наибольшего числа голосов. Исторически она связана с территориальным представительством, когда избиратель голосует прежде всего за конкретного кандидата, а не за партийную программу. Ее нормативная сила состоит в простоте: избирателю обычно легко понять, за кого он голосует и кто победил. В классическом виде территория делится на одномандатные округа, от каждого из которых избирается один депутат. Такое устройство усиливает персональную ответственность избранного лица перед округом и делает парламент менее абстрактным для граждан.

Наиболее известная разновидность — система относительного большинства, или first-past-the-post. Победителем признается кандидат, получивший больше голосов, чем каждый из соперников, даже если его поддержала лишь относительная, а не абсолютная часть избирателей. Достоинство данной модели — административная простота, оперативное установление результата и потенциальное формирование однопартийного парламентского большинства. Ее главный дефект — высокая диспропорциональность: партия или кандидат могут получить значительное число мандатов при меньшей доле голосов в масштабе страны, а голоса за проигравших кандидатов фактически не участвуют в представительстве. [5, p. 67–86]

Система абсолютного большинства предполагает, что для избрания кандидат должен получить более половины действительных голосов. Если этого не происходит, проводится второй тур либо применяется иной способ выявления большинства. Двухтуровая система широко используется на президентских выборах и в ряде парламентских моделей. Ее конституционно-правовое преимущество — усиление легитимации победителя, который во втором туре получает поддержку большинства участвующих избирателей. Но она дороже, требует повторной мобилизации электората и стимулирует тактические союзы между турами, что не всегда прозрачно для избирателя.

Особое место занимает альтернативное голосование: избиратель ранжирует кандидатов по предпочтениям, а если никто не набрал абсолютного большинства первых предпочтений, кандидат с наименьшим результатом исключается, и его голоса перераспределяются по следующим предпочтениям. Эта модель позволяет получить победителя без второго тура и уменьшает эффект «раскалывания» голосов идеологически близких избирателей. Однако она предъявляет более высокие требования к избирательной грамотности и к технической точности подсчета.

В многомандатных округах мажоритарная логика проявляется в блоковом голосовании, когда избиратель имеет столько голосов, сколько мандатов распределяется в округе, а избранными становятся кандидаты с наибольшим числом голосов. Если голосование осуществляется не за отдельных кандидатов, а за партийный список, говорят о партийном блоковом голосовании. Эти разновидности способны давать очень крупную премию победителю и потому в современных демократических системах используются осторожно, главным образом там, где политическая система не строится на глубокой партийной фрагментации. [6, с. 150–153]

Главный вопрос, связанный с мажоритарными системами, — вопрос равенства. Формально каждый избиратель имеет один голос, но фактический вес голосов зависит от границ округов, численности избирателей и концентрации сторонников партий. Поэтому правовое регулирование должно обеспечивать сопоставимую численность округов, периодический пересмотр их границ, прозрачность процедуры делимитации и запрет манипулятивной нарезки. С позиции конституционного права мажоритарная система допустима лишь при условии, что территориальный принцип представительства не превращается в инструмент произвольного перераспределения политического влияния. [3, p. 9–11]

Пропорциональные избирательные системы

Пропорциональная система строится на иной идее: парламент должен отражать соотношение политических предпочтений избирателей. Избиратель голосует за партийный список или за кандидата внутри партийного списка, а мандаты распределяются между партиями пропорционально полученным голосам. Эта модель возникла как ответ на недостатки мажоритаризма, прежде всего на проблему «потерянных» голосов и исключения значительных социальных групп из парламентского представительства. В условиях идеологического, этнического, конфессионального или регионального плюрализма пропорциональная система способна выполнять интегративную функцию.

Классическая пропорциональная система партийных списков имеет две основные разновидности: закрытые и открытые списки. При закрытом списке избиратель голосует за партию, а очередность получения мандатов определяется заранее установленным партийным списком. Такая модель усиливает программную ответственность партии, но одновременно повышает роль партийного руководства. При открытом списке избиратель может влиять на персональный состав депутатов, отдавая предпочтение конкретному кандидату внутри списка. Открытые списки персонализируют представительство, но делают кампанию более сложной и могут усиливать внутрипартийную конкуренцию.

Техническое ядро пропорциональной системы составляют методы распределения мандатов. Наиболее известны квотные методы и методы де-

лителей. Квота Хэра, квота Друпа, методы Д'Ондта и Сент-Лагю по-разному решают проблему остаточных голосов и соотношения крупных и малых партий. Метод Д'Ондта обычно несколько благоприятствует более крупным партиям, а модификации Сент-Лагю считаются более нейтральными по отношению к средним и малым партиям. Поэтому выбор формулы является не технической деталью, а юридико-политическим решением, влияющим на конфигурацию парламента. [7, p. 29–48]

Важнейшее значение имеет избирательный барьер. Формально барьер направлен на предотвращение чрезмерной фрагментации парламента и обеспечение работоспособности представительного органа. Однако высокий барьер способен исключить из парламента значительную часть голосов и тем самым снизить представительность. Низкий барьер повышает плюралистичность, но осложняет формирование устойчивого большинства. В научной литературе этот выбор обычно описывается как компромисс между представительностью и управляемостью: чем выше пропорциональность, тем полнее отражается политическое многообразие; чем сильнее институциональные фильтры, тем больше шансов на стабильное правительство. [8, p. 130–157]

Отдельную разновидность представляет система единственного передаваемого голоса (single transferable vote, STV). Избиратель ранжирует кандидатов, а избрание происходит путем достижения квоты и передачи избыточных или неиспользованных голосов следующим предпочтениям. STV сочетает персональное голосование с пропорциональным результатом, что делает ее теоретически привлекательной для обществ, стремящихся одновременно к партийной пропорциональности и индивидуализации выбора. Недостаток модели — высокая сложность для массового применения, особенно в крупных округах и при большом числе кандидатов.

С конституционно-правовой точки зрения пропорциональная система особенно важна там, где необходимо обеспечить представительство политических меньшинств и избежать монополизации парламента крупнейшей партией. Но она требует развитой партийной системы, прозрачного внутрипартийного выдвижения, устойчивых правил финансирования кампаний и эффективного контроля за злоупотреблением административным ресурсом. Без этих условий пропорциональная система может превратиться из механизма политического плюрализма в механизм партийно-бюрократического контроля над доступом к мандатам.

Смешанные избирательные системы

Смешанные системы возникли как попытка соединить достоинства мажоритарной и пропорциональной моделей. Их общая идея состоит в том, что часть депутатов избирается в территориальных округах, а часть — по партийным спискам. Однако за внешней простотой скрываются принципиально разные варианты. В параллельной смешанной системе оба компонента действуют независимо: мандаты, полученные в округах, не компенсируются при распределении списочных мест. В компенсаторной системе, напротив, списочный компонент корректирует результат так, чтобы итоговый состав парламента в целом был ближе к пропорциональному распределению голосов.

Параллельная система проще и понятнее для правоприменения. Она позволяет сохранить связь депутатов с одномандатными округами и одновременно предоставить политическим партиям канал программного представительства. Но она не устраняет диспропорции мажоритарного компонента: партия, успешная в округах, может получить существенную мандатную премию, не соответствующую ее доле голосов по спискам. Поэтому параллельная модель фактически является не «средним арифметическим» мажоритаризма и пропорциональности, а самостоятельной конструкцией с двумя автономными источниками легитимации.

Компенсаторная смешанная система, известная как mixed-member proportional representation, стремится сохранить персональный округ и одновременно обеспечить общую пропорциональность. Избиратель обычно имеет два голоса: один за кандидата в округе, другой за партийный список. Окружные мандаты засчитываются в общую долю партии, а списочные мандаты используются для компенсации. Эта модель сложнее, но она лучше реализует идею равного политического веса партийных предпочтений. Ее трудности связаны с избыточными мандатами, компенсационными местами, партийными стратегиями «разделенного голосования» и необходимостью детального законодательного регулирования.

Российская модель выборов депутатов Государственной Думы в действующем федеральном регулировании относится к смешанным параллельным системам: 225 депутатов избираются по одномандатным избирательным округам, а 225 — по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов за федеральные списки кандидатов. Такая конструкция демонстрирует общий для параллельных систем эффект: обе части выборов юридически сосуществуют, но результаты по спискам не компенсируют победы в одномандатных округах. Это обстоятельство важно учитывать при оценке представительности итогового состава парламента. [9, ст. 3]

Смешанные системы особенно привлекательны для государств, которые не хотят полностью отказываться от территориального депутата, но признают необходимость партийного представительства. Вместе с тем они требуют высокой юридической точности. Законодатель должен

ответить на ряд вопросов: сколько голосов имеет избиратель; допускается ли двойное выдвижение кандидата; как замещается вакантный мандат; применяется ли единый барьер; корректируются ли окружные победы списочным компонентом; как предотвращается манипуляция через аффилированные партии. От этих деталей зависит, будет ли система действительно смешанной или лишь механическим соединением двух разных моделей.

Полупропорциональные и преференциальные модели

Между мажоритарной и пропорциональной логикой располагаются полупропорциональные системы. Они не гарантируют строгой пропорциональности, но смягчают эффект полного доминирования большинства. К ним относят систему единственного непередаваемого голоса (single non-transferable vote), ограниченное голосование, кумулятивное голосование, а также некоторые варианты голосования одобрением. Их объединяет то, что избиратель получает меньше голосов, чем распределяется мандатов, либо может концентрировать голоса на отдельных кандидатах. В результате у организованных меньшинств появляется шанс на представительство, если они координируют голосование.

Система единственного непередаваемого голоса применяется в многомандатном округе: каждый избиратель имеет один голос, а избранными становятся кандидаты с наибольшим числом голосов. Такая модель выглядит простой, но создает сложные стратегические стимулы для партий: необходимо правильно распределить сторонников между кандидатами, иначе часть голосов окажется избыточной, а часть кандидатов проиграет из-за внутренней конкуренции. Ограниченное голосование позволяет избирателю голосовать за нескольких кандидатов, но число голосов меньше числа мандатов; кумулятивное — концентрировать несколько голосов на одном кандидате. Эти механизмы чаще обсуждаются применительно к представительству меньшинств, корпоративным выборам и локальным органам.

Преференциальные модели шире полупропорциональных. Они основаны на том, что избиратель выражает не одно бинарное решение, а структуру предпочтений. Альтернативное голосование и STV уже были названы выше; к этой же группе примыкают рейтинговое голосование, голосование одобрением и оценочное голосование. Для публично-властных выборов такие системы представляют интерес как способ уменьшения негативного голосования и расширения содержательного выбора. Но их внедрение требует особой осторожности: чем сложнее бюллетень и процедура подсчета, тем выше значение доверия к избирательной администрации, образовательной работы и возможности независимой проверки результата. [10, p. 39–66]

Правовые критерии оценки избирательных систем

Оценивать избирательные системы следует не по одному критерию, а по совокупности правовых и институциональных параметров. Первый критерий — равенство избирательного права. Оно включает формальное равенство голосов, равный доступ к участию в выборах и сопоставимость веса голосов в разных округах. В территориальных системах это требует регулярного пересмотра границ округов; в пропорциональных — анализа барьеров и правил распределения остаточных голосов. Если значительная доля голосов системно не превращается в представительство, возникает вопрос о материальном равенстве политического участия.

Второй критерий — представительность. Она означает способность парламента отражать существенные политические, социальные и территориальные интересы общества. Здесь преимущество обычно имеют пропорциональные и компенсаторные смешанные модели. Однако чрезмерная представительность без механизмов коалиционной ответственности может снижать эффективность публичной власти. Поэтому представительность должна сочетаться с ответственностью: избиратель должен понимать, какие политические силы отвечают за принятые решения, а какие являются оппозицией.

Третий критерий — управляемость. Избирательная система не обязана искусственно производить парламентское большинство, но она должна позволять формировать дееспособные органы. Мажоритарные системы часто усиливают управляемость ценой пропорциональности; пропорциональные — обеспечивают плюрализм ценой коалиционной сложности. Смешанные системы пытаются уравновесить эти задачи, но результат зависит от конкретной конструкции. Поэтому в учебной и научной литературе справедливо подчеркивается, что избирательная инженерия всегда работает как система компромиссов, а не как поиск бездефектной формулы. [1, p. 9–15]

Четвертый критерий — связь представителя с избирателем. Одномандатные округа создают прямой персональный канал ответственности, но могут снижать партийно-программную определенность. Партийные списки позволяют голосовать за политический курс, но ослабляют индивидуальную подотчетность депутата. Открытые списки, преференциальные бюллетени и смешанные модели являются юридическими средствами согласования этих двух типов ответственности.

Пятый критерий — устойчивость к манипуляциям. Мажоритарные системы уязвимы к манипулятивной нарезке округов и стратегическому выдвижению «технических» кандидатов; пропорциональные — к завышенным барьерам, непрозрачному формированию списков и злоупотреблению партийной дисциплиной; смешанные

— к координации между формально разными партиями и искажению компенсационного механизма. Поэтому правовая оценка избирательной системы должна включать не только формулу подсчета, но и гарантии регистрации кандидатов, наблюдения, судебного контроля, финансирования кампаний и доступа к информации.

Избирательная система является одним из наиболее чувствительных элементов конституционного строя. Она не создает демократию сама по себе, но способна поддерживать или ослаблять демократические институты. Неправильно подобранная система может усиливать монополизацию власти, исключать значимые группы из представительства, провоцировать недоверие к результатам выборов и снижать легитимность парламента. Юридически сбалансированная система повышает предсказуемость политической конкуренции и делает выборы подлинным механизмом публичной ответственности.

В учебных целях можно сформулировать несколько обобщающих положений. Во-первых, мажоритарные системы удобны для установления персонального победителя и формирования территориального представительства, но требуют особо строгого контроля за равенством округов. Во-вторых, пропорциональные системы наиболее последовательно выражают идею партийно-политического плюрализма, но нуждаются в разумных фильтрах против чрезмерной фрагментации. В-третьих, смешанные системы не являются автоматическим компромиссом: их эффект зависит от того, является ли списочный компонент независимым или компенсаторным. В-четвертых, полупропорциональные и преференциальные модели расширяют инструментарий демократического выбора, но предъявляют повышенные требования к правовой определенности и избирательной культуре.

Для конституционного права принципиален вывод: избирательная система должна оцениваться не по политической выгоде текущего большинства, а по ее способности устойчиво обеспечивать равное участие граждан, честное преобразование голосов в мандаты, публичную подотчетность избранных лиц и воспроизводимость демократического процесса. Поэтому изменение избирательной системы должно рассматриваться как конституционно значимая реформа, требующая открытого обсуждения, экспертной оценки последствий и достаточного периода адаптации участников выборов. [11, p. 7–15]

Список литературы:

[1] Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design. Stockholm: IDEA, 2005. P. 5–15.

[2] Конституция РФ: ст. 3, 32; Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

[3] Venice Commission. Code of Good Practice in Electoral Matters. CDL-AD(2002)023rev2-cor. P. 9–11, 23.

[4] ACE Electoral Knowledge Network. Electoral Systems. URL: https://aceproject.org/main/english/es/es.htm (дата обращения: 13.09.2026).

[5] Duverger M. Political Parties. London: Methuen, 1954. P. 217–228; Rae D.W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1967. P. 67–86.

[6] Изаксон Р.А. Постановления Пленума Верховного Суда: правовая природа и юридическая сила // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 150–153.

[7] Taagepera R., Shugart M.S. Seats and Votes. New Haven: Yale University Press, 1989. P. 29–48.

[8] Lijphart A. Patterns of Democracy. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2012. P. 130–157.

[9] Федеральный закон от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы...»: ст. 3. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (дата обращения: 13.09.2026).

[10] Norris P. Electoral Engineering. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 39–66.

[11] OSCE/ODIHR. Guidelines for Reviewing a Legal Framework for Elections. 2nd ed. Warsaw, 2013. P. 7–15.

References:

[1] Reynolds A., Reilly B., Ellis A. Electoral System Design. Stockholm: IDEA, 2005. pp. 5–15.

[2] Constitution of the Russian Federation: Arts. 3, 32; Federal Law No. 67-FZ of June 12, 2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 24. Art. 2253.

[3] Venice Commission. Code of Good Practice in Electoral Matters. CDL-AD(2002)023rev2-cor. pp. 9–11, 23.

[4] ACE Electoral Knowledge Network. Electoral Systems. URL: https://aceproject.org/main/english/es/es.htm (accessed: Sept. 13, 2026).

[5] Duverger M. Political Parties. London: Methuen, 1954. pp. 217–228; Rae D.W. The Political Consequences of Electoral Laws. New Haven, 1967. pp. 67–86.

[6] Izakson R.A. Rulings of the Plenum of the Supreme Court: Legal Nature and Legal Force // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 150–153.

[7] Taagepera R., Shugart M.S. Seats and Votes. New Haven: Yale University Press, 1989. pp. 29–48.

[8] Lijphart A. Patterns of Democracy. 2nd ed. New Haven: Yale University Press, 2012. pp. 130–157.

[9] Federal Law No. 20-FZ of February 22, 2014, «On the Election of Deputies to the State Duma...»: Art. 3. // ConsultantPlus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159349/ (accessed: 13.09.2026).

[10] Norris P. Electoral Engineering. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 39–66.

[11] OSCE/ODIHR. Guidelines for Reviewing a Legal Framework for Elections. 2nd ed. Warsaw, 2013. P. 7–15.

Дата поступления рукописи в редакцию: 18.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-21-25

ПИЧКО Никита Александрович,
студент 1 курса магистратуры
Высшей школы государственного аудита МГУ,
e-mail: Nicita.Pichko@yandex.ru

СООТНОШЕНИЕ ФЕДЕРАЛИЗМА И СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФОНДОВ

Аннотация. Тема соотношения федерализма и социального государства на примере социальных фондов представляет собой важное направление исследования, которое позволяет глубже понять взаимодействие между различными уровнями власти и механизмами социального обеспечения. В условиях федеративного устройства государства социальные фонды играют ключевую роль в реализации социальной политики, обеспечивая финансирование и поддержку различных программ, направленных на улучшение качества жизни граждан. В статье рассматриваются способы и механизмы деятельности Социального фонда России и Федерального фонда обязательного медицинского страхования в условиях федеративного государства, насколько учитываются территориальные и исторические особенности субъектов при выполнении социальной функции государства посредством деятельности социальных фондов. Автором также приводятся модели функционирования социальных фондов в рамках федеративного государства. Особое внимание уделяется взаимному влиянию федерализма и социального государства. В заключении подчеркивается, что эффективная деятельность социальных фондов может способствовать более справедливому и устойчивому развитию общества в условиях федерализма, обеспечивая защиту прав граждан и улучшая доступ к социальным услугам.

Ключевые слова: федерализм, социальное государство, социальные фонды, федерация, социальная поддержка, социальные программы.

PICHKO Nikita Aleksandrovich,
1st year master's student,
Higher School of Public Audit
of Moscow State University

RELATIONSHIP BETWEEN FEDERALISM AND THE SOCIAL STATE ON THE EXAMPLE OF SOCIAL FUNDS

Annotation. The topic of relations between federalism and the social state on the example of social funds is an important area of research, which allows for a deeper understanding of the interaction between different levels of government and social security mechanisms. In the conditions of the federal structure of the state, social funds play a key role in the implementation of social policy, providing funding and support for various programs aimed at improving the quality of life of citizens. The article considers the ways and mechanisms of the Social Fund of Russia and the Federal Fund of Compulsory Medical Insurance in the conditions of a federal state, how territorial and historical features of the subjects are taken into account in the fulfillment of the social function of the state through the activities of social funds. The author also provides a model of functioning of social funds in the framework of a federal state. Special attention is paid to the mutual influence of federalism and the social state. The conclusion emphasizes that the effective operation of social funds can contribute to a more equitable and sustainable development of society under federalism, ensuring the protection of citizens' rights and improving access to social services.

Key words: federalism, social state, social funds, federation, social support, social programs.

В настоящее время мы наблюдаем как в Российской Федерации, которая является федеративным государством, согласно Конституции РФ, стремительно с 2020 года увеличивается финансирование на оказание социальной поддержки населению. Можно вспомнить и единовременные выплаты на ребенка до 16 лет в период COVID-19, постоянное увеличение минимального размера оплаты труда, субсидирование процентных ставок по ипотечным кредитам для отдельных категорий граждан, выплата материнского капитала за рождение первого ребенка и т. д.

В условиях постоянно увеличивающегося бремени социальной поддержки населения становится актуальным вопрос о соотношении понятий федерализма и социального государства, насколько одно дополняет или противоречит другому, насколько эффективно могут взаимодействовать эти концепции, поскольку, с одной стороны, они

не являются взаимоисключающими, но с другой стороны, модель федерализма определяет условия, в рамках которых будет реализовываться социальная функция государства.

Оказание социальной поддержки населению одна из составных частей финансовой деятельности государства. Для ее исполнения государство создает социальные фонды денежных средств в рамках которых происходит аккумулирование, распределение и использование денежных средств для оказание социальной функции [10].

Прежде, необходимо отметить, что федерализм является формой государственного устройства, в то время как социальное государство – это концепция, согласно которой государство оказывает меры социальной поддержки своему населению для достижения благосостояния. Данные понятия имеют разные цели и механизмы реализации. Однако многие федеративные государства являются социальными, поэтому здесь нет взаимоисключающего характера между понятиями, скорее одно дополняет другое. Форма государственного устройства во многом определяет, каким образом государство будет реализовывать свою социальную функцию (будут ли учитываться территориальные или исторические особенности субъектов, малочисленные народы; также в условиях федерализма объемы финансовой социальной помощи, предоставленные отдельным регионам, может быть предметом особых политических и административных дискуссий [8]).

Социальными фондами в Российской Федерации являются Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и Фонд пенсионного и социального страхования РФ (далее – СФР). Эти фонды являются внебюджетными, так как не входят в состав федерального бюджета и являются самостоятельным звеном финансовой системы, а также не входят в консолидированный бюджет. Такое обособление необходимо для выведения социальных расходов в отдельное направление, так как бюджетные доходы не закрепляются за конкретными расходами [12].

Федерализм оказывает влияние на реализацию социальной политики. Например, Социальный фонд России предоставляет отдельные льготы гражданам, проживающих в определенных субъектах федерации: жители новых субъектов Российской федерации могут получить материнский капитал на особых условиях (если первый ребенок родился после 2019 г. [13]), а также предоставляется особый порядок пенсионного обеспечения [1, ст. 4]. Многие социальные выплаты (например, выплаты малоимущим семьям с детьми), осуществляемые Социальным фондом России, зависят от регионального прожиточного минимума, таким образом, граждане получают выплаты с учетом уровня жизни и экономической обстановки субъекта, в котором они проживают.

Стоит отметить, что в случае, если пенсия и дополнительное социальное обеспечение пенсионера, которые выплачиваются из бюджета Фонда, меньше регионального прожиточного минимума пенсионера, то недостающую часть должен компенсировать бюджет субъекта РФ [4, ст. 12.1]. Данный пример показывает, что СФР самостоятельно не учитывает особенности субъектов РФ и распределяет пенсионные средства в рамках федеральных стандартов, и именно сами субъекты РФ должны оказывать социальную поддержку населения.

Также можно обратить внимание, что СФР не оказывает поддержку коренных малочисленных народов, этим занимаются правительства самих субъектов. [7] То есть СФР не учитывает особенности отдельных субъектов. В условиях федерации этим занимаются субъекты федерации.

В отношении выплаты материнского капитала из СФР также нет разницы в зависимости от региона проживания, всем выплачивается сумма, установленная в Федеральном законе [3] и индексируемая Правительством РФ. Субъекты РФ в рамках региональных выплат могут оказать социальную поддержку, тем самым компенсировав дисбаланс в уровнях цен и жизни между регионами, однако Социальный фонд не учитывает особенности субъектов.

Размер пенсионных выплат СФР тоже не дифференцируется в зависимости от субъекта. Существуют федеральные и региональные надбавки, выплачиваемые из федерального бюджета или бюджета субъекта соответственно. Эти надбавки учитывают особенности федеративного устройства, но Социальный фонд не имеет к ним отношения.

Подведя промежуточный итог, отметим, что Социальный фонд России при реализации социальных функций в основном абстрагируется от концепции федеративного государства, осуществляя полномочия «Центра», который не учитывает территориальные особенности страны.

Обратим внимание на деятельность фонда обязательного медицинского страхования РФ. Система обязательного медицинского страхования состоит из федерального фонда (далее – ФФОМС) и территориального фонда (далее – ТФОМС). ФФОМС действует на федеральном уровне и отвечает за общую координацию обязательного медицинского страхования, формирует стандарты отчетности, федеральные программы помощи [6]. ФФОМС аккумулирует в себе бюджет на обязательное медицинское страхование, который утверждается в форме федерального закона на ежегодной основе, и распределяет денежные средства между ТФОМС.

ТФОМС действуют на уровне субъектов РФ, распределяют полученные средства среди медицинских организаций, участвуют в составлении территориальных программ обязательного медицинского страхования и заключают договоры со страховыми компаниями. ТФОМС контролирует качество оказания медицинских услуг и проверя-

ет целевое расходование выделенных бюджетных средств [2, ст. 34].

ФФОМС и ТФОМС взаимно дополняют друг друга, что позволяет децентрализовано управлять средствами ОМС, учитывая особенности каждого субъекта. Каждый субъект Федерации может адаптировать свои программы медицинского страхования в зависимости от демографической ситуации, уровня заболеваемости и других факторов [2, ст. 36]. В условиях федерализма фонды наиболее удачно сосуществуют, ФФОМС – аккумулирует денежные средства и создает федеральные стандарты отчетности, ТФОМС – следит за эффективным использованием бюджетных средств в субъектах, что способствует эффективному управлению финансовыми ресурсами и минимизацией рисков недостаточного контроля. Получается, в рамках федеративного государства была создана двухуровневая система ОМС, чтобы наилучшим образом соответствовать форме государственного устройства.

В рамках федерализма нужно отметить распределение полномочий между органами правления социальных фондов, органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ. ФФОМС реализует государственную политику в сфере ОМС, в свою очередь, ТФОМС, который создается субъектом РФ, участвует в разработке территориальных программ ОМС и получает от субъекта денежные средства на ее реализацию. ФФОМС аккумулирует и распределяет денежные средства фонда посредством федерального закона о бюджете ФФОМС на очередной год. ТФОМС доводит денежные средства до медицинских организаций и заключает договоры со страховыми компаниями, а также контролирует целевое использование. В данном случае мы видим двухступенчатую систему, где на федеральном уровне есть ФФОМС, а на уровне субъектов – ТФОМС. Они взаимодействуют между собой, но при этом их отношения построены на подчинении [14, с. 3], потому что ТФОМС финансирует территориальные программы ОМС, которые должны соответствовать федеральной программе, а также в виду финансовой зависимости от федерального фонда. Такое распределение полномочий соответствуют федеративному государственному устройству.

Распределение полномочий в системе пенсионного страхования менее заметно. СФР выплачивает социальные выплаты, опираясь на федеральные нормативы. Правительство РФ устанавливает дополнительные надбавки, которые выплачиваются из федерального бюджета (например, пенсионные надбавки за работу на территориях Крайнего Севера [5]). Выплаты СФР не учитывают территориальных особенностей субъектов, этим занимаются Правительства субъектов самостоятельно.

Мы можем заметить, что существуют две модели, в рамках которых социальные фонды выполняют свои обязанности в федеративном государстве. Автор дает им названия: централизованная модель и децентрализованная модель.

Согласно централизованной модели, существует одноступенчатая система, где есть единственный социальный фонд на федеральном уровне, а также существует единая социальная программа для всех субъектов федерации без учета региональных особенностей. В рамках такой модели действует Социальный фонд России с оговоркой, что учет региональных особенностей ведется Правительством субъекта из бюджета самого субъекта. Такая модель более характерна для унитарных государств.

Согласно децентрализованной модели, действует двухступенчатая система фондов: есть федеральный фонд и есть фонды на уровне субъектов. Социальные программы могут существовать как на уровне федерации, так и на уровне субъектов. Отношения между фондами разных ступеней выстраиваются как отношения субординации, т. е. федеральный фонд не может вмешиваться в деятельность фонда субъекта, а фонд субъекта обладает достаточными полномочиями по самостоятельной реализации социальной политики. Наиболее близким примером децентрализованной модели в федеративном государстве является США, где выплаты для безработных в разных штатах могут сильно варьироваться (например, в штате Массачусетс бездомным дается около 823 долл. США в месяц, а в штате Миссисипи – 235 долл. США). К этой модели можно отнести и фонды ОМС, но с оговоркой, что отношения между федеральным фондом и территориальными строятся на принципах подчинения. Такая модель более характерна для федераций.

Теперь, когда выявлены особенности реализации социальной функции государства через социальные фонды в условиях федерализма, нужно выявить соотношение федерализма и социального государства.

Во-первых, эти понятия взаимно дополняют друг друга. В условиях федерации социальные программы могут быть адаптированы к нуждам различных регионов, что позволяет учитывать местные особенности и потребности. Примером такого взаимодействия будет являться разработка федеральной и региональных программ ОМС. Взаимное дополнение также проявляется через распределение полномочий между ФФОМС и ТФОМС, согласно которому ФФОМС аккумулирует и распределяет бюджетные средства, а ТФОМС доводит их до медицинских организаций и контролирует их использование. Также благодаря федерализму у граждан появляется возможность формировать органы государственной власти субъекта посредством выборов, это может повлиять на качество формирования социальных программ в регионе. Также федерализм может служить механизмом защиты прав меньшинств, позволяя им иметь представительство

на региональном уровне [11, с. 124]. Это важно для социального государства, которое стремится обеспечить равные права и возможности для всех граждан.

Во-вторых, федерализм и реализация социального государства могут оппонировать друг другу. Это связано с неравномерным финансированием социальных программ в разных субъектах [9, с. 58]. Возникает дилемма, финансировать все субъекты федерации на одинаковом уровне без учета экономического состояния региона или перечислять средства каждому субъекту в зависимости от его экономической самостоятельности и готовности финансировать социальные программы. Поэтому приходится выбирать: уравнивать субъекты в финансовых возможностях на финансирование социальной политики или давать всем субъектам равное финансирование.

Однако деятельность социальных фондов нужно рассматривать совместно с деятельностью органов государственной власти РФ и субъектов РФ по реализации социальной политики. Из проведенного анализа становится понятно, что реализация социальной функции должна происходить с учетом федеративных особенностей страны. В рамках статьи автор вывел централизованную и децентрализованную модель деятельности социальных фондов в федеративном государстве. Разные социальные фонды имеют свои особенность осуществления полномочий в условиях федерализма, так СФР имеет одноступенчатую модель, а фонды ОМС – двухступенчатую. Также были выведены формы соотношения федерализма и социального государства с опорой на деятельность социальных фондов РФ. Необходимо отметить, что эффективная деятельность социальных фондов может способствовать более справедливому и устойчивому развитию общества в условиях федерализма, обеспечивая защиту прав граждан и улучшая доступ к социальным услугам.

Список литературы:

[1] Федеральный закон «Об особенностях пенсионного обеспечения отдельных категорий граждан Российской Федерации» от 13.06.2023 N 208-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449356/ (дата обращения: 20.06.2026).

[2] Федеральный закон «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» от 29.11.2010 N 326-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (дата обращения: 20.06.2026).

[3] Федеральный закон от 29.12.2006 N 256-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 20.06.2026).

[4] Федеральный закон «О государственной социальной помощи» от 17.07.1999 N 178-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (дата обращения: 20.06.2026).

[5] Постановление Правительства РФ от 18.03.2015 N 249 (ред. от 24.06.2023) «Об утверждении Правил установления и выплаты повышения фиксированной выплаты к страховой пенсии лицам, проживающим в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 20.06.2026).

[6] Постановление Правительства РФ от 29.07.1998 N 857 (ред. от 21.06.2022) «Об утверждении устава Федерального фонда обязательного медицинского страхования». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19743/ (дата обращения: 20.06.2026).

[7] Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 05.10.2018 № 350-п «О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера». // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/8600201810120004 (дата обращения: 20.06.2026).

[8] Bulmer E. Federalism International IDEA Constitution-Building Primer. 12 version. — 2017. — С. 7.

[9] Морковкин Д.Е., Строев П.В., Шапошников А.И. Финансовая поддержка регионов как инструмент выравнивания бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации. Финансы: теория и практика. — 2019. — С. 58.

[10] Ногина О.А. Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России: проблемы правового регулирования. Автореф. дис. — Москва, 2013. — С. 7.

[11] Кремянская Е.А. Теория и практика федерализма: сравнительно-правовое исследование: монография. — МГИМО МИД России, 2015. — С. 124.

[12] Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. — С. 344.

[13] Официальный сайт Социального фонда России. URL: https://sfr.gov.ru/branches/rostov/news/~2023/02/27/246279 (дата обращения: 20.06.2026).

[14] Харисов И.Ф., Афанасьева З.А. Правовое положение Федерального фонда и территориальных фондов обязательного медицинского страхования Российской Федерации. Общественное здоровье и здравоохранение. — 2011. — С. 3.

References:

[1] Federal Law No. 208-FZ of June 13, 2023, «On Specifics of Pension Provision for Certain Categories of Citizens of the Russian Federation.»

// ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_449356/ (accessed: June 20, 2026).

[2] Federal Law No. 326-FZ of November 29, 2010, «On Compulsory Medical Insurance in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107289/ (accessed: June 20, 2026).

[3] Federal Law No. 256-FZ of December 29, 2006 (as amended on August 8, 2024), «On Additional Measures of State Support for Families with Children.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (accessed: June 20, 2026).

[4] Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999, «On State Social Assistance.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/ (accessed: June 20, 2026). \

[5] Decree of the Government of the Russian Federation dated March 18, 2015, No. 249 (as amended on June 24, 2023) «On Approval of the Rules for Establishing and Paying an Increase to the Fixed Payment Component of an Insurance Pension for Persons Residing in the Far North and Equivalent Localities.» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://pravo.gov.ru/ (accessed: June 20, 2026).

[6] Decree of the Government of the Russian Federation dated July 29, 1998, No. 857 (as amended on June 21, 2022) «On Approval of the Charter of the Federal Compulsory Medical Insurance Fund.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19743/ (accessed: June 20, 2026).

[7] Decree of the Government of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra dated October 5, 2018, No. 350-p «On the State Program of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra 'Sustainable Development of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North'.» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/8600201810120004 (accessed: June 20, 2026).

[8] Bulmer E. Federalism. International IDEA Constitution-Building Primer, 12th edition. — 2017. — p. 7.

[9] Morkovkin D.E., Stroev P.V., Shaposhnikov A.I. Financial Support for Regions as a Tool for Equalizing the Fiscal Capacity of the Subjects of the Russian Federation. *Finance: Theory and Practice*. — 2019. — p. 58.

[10] Nogina O.A. State Extra-Budgetary Funds within the Budgetary System of Russia: Issues of Legal Regulation. Abstract of a dissertation. — Moscow, 2013. — p. 7.

[11] Kremyanskaya E.A. Theory and Practice of Federalism: A Comparative Legal Study (monograph). — MGIMO University (Ministry of Foreign Affairs of Russia), 2015. — p. 124.

[12] Krokhina Yu.A. Financial Law of Russia (textbook). — Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. — p. 344.

[13] Official website of the Social Fund of Russia. URL: https://sfr.gov.ru/branches/rostov/news/~2023/02/27/246279 (accessed: 20.06.2026).

[14] Kharisov I.F., Afanasyeva Z.A. Legal Status of the Federal Fund and Territorial Funds for Compulsory Medical Insurance of the Russian Federation. *Public Health and Healthcare*. — 2011. — p. 3.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.07.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-26-38

ОРЛОВА-МЯДЗЕЛЬ Ольга Александровна,
магистрант Университета «Синергия»,
г. Красноярск, Россия,
ORCID: 0009-0008-2810-5468,
e-mail: mjadzel@mail.ru

СООТНОШЕНИЕ ИСТИНЫ, ПРАВДЫ И ПРАВОСУДИЯ В СОВРЕМЕННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ФОРМАЛИЗМ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ ИХ БАЛАНСА (НА ПРИМЕРЕ КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА)

Аннотация. Статья посвящена философско-правовому анализу соотношения юридической истины и социальной правды в структуре современного правосудия применительно процессуальной формализации кассационного производства. Методологической основой исследования выступает триада «истина — правда — правосудие», являющаяся взаимосвязанными элементами справедливого правосудия. Принцип справедливости трактуется как цель правосудия и одновременно как критерий оценки согласованности указанных элементов в его структуре.

Показано, что действующая модель кассационного пересмотра ориентирована на проверку наличия существенных нарушений права, но объективно ограничивает возможность учёта социальных последствий судебных решений.

На основе анализа процессуального законодательства выявляется структурная особенность кассационного контроля, допускающая закрепление в судебной практике решений, имеющих дисбаланс между юридической истиной и социальной правдой, способный привести к нарушению принципа справедливости как цели правосудия.

В качестве направления частичного преодоления данной проблемы в работе вводится понятие «существенного дефекта мотивировочной части судебного решения» как самостоятельного критерия оценки законности принятого решения. Разработана нормативная конкретизация признаков такого дефекта, расширяющая возможности существующей модели кассационного контроля, не изменяя ее структуру.

Предложенный подход повышает проверяемость судебных актов, распространяя кассационный контроль на оценку согласованности триады «истина — правда — правосудие» в проверяемом судебном решении.

Ключевые слова: юридическая истина, социальная правда, правосудие, принцип справедливости, кассационное производство, существенное нарушение права, существенный дефект мотивировочной части судебного решения.

ORLOVA-MYADZEL Olga Alexandrovna,
Master's student at Synergy University,
Krasnoyarsk, Russia

RELATIONSHIP OF TRUTH, TRUTH AND JUSTICE IN MODERN COURT PROCEEDINGS: PROCEDURAL FORMALISM AS A FACTOR OF VIOLATION OF THEIR BALANCE (BASED ON THE EXAMPLE OF CASSATION PROCEEDINGS)

Annotation. This article is devoted to a philosophical and legal analysis of the relationship between legal truth and social truth within the structure of modern justice in the context of the procedural formalization of cassation proceedings. The methodological framework of the study is based on the triad "truth – social truth – justice", regarded as interconnected elements of fair justice. The principle of justice is interpreted both as the objective of judicial activity and as a criterion for assessing the coherence of these elements within its structure.

The study demonstrates that the current model of cassation review is focused on identifying substantial

violations of law but objectively limits the possibility of taking into account the social consequences of judicial decisions.

Based on an analysis of procedural legislation, the research identifies a structural feature of cassation review that allows judicial practice to preserve decisions containing an imbalance between legal truth and social truth, which may lead to a violation of the principle of justice as the objective of judicial activity.

As a means of partially addressing this issue, the article introduces the concept of a "substantial defect in the reasoning part of a judicial decision" as an independent criterion for assessing the legality of a decision. A normative specification of the characteristics of such a defect has been developed, expanding the possibilities of the existing cassation review model without altering its structure.

The proposed approach increases the verifiability of judicial decisions by extending cassation review to the assessment of the coherence of the triad "truth – social truth – justice" within the judicial decision under review.

Key words: legal truth, social justice, administration of justice, principle of fairness, cassation proceedings, substantial violation of law, substantial defect in judicial reasoning.

«…правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.… судебные ошибки, приводящие к нарушению прав, свобод и законных интересов личности, могут остаться не устраненными, что противоречит самой сути правосудия и его принципам. …»
(Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П)

1. Введение

Рост формализации судопроизводства актуализирует дискуссию о справедливости судебных решений и пределах допустимой процессуальной формализации. Несоответствие между формальной законностью и воспринимаемой справедливостью решений рассматривается как фактор риска снижения доверия к судебной власти.

В условиях возрастающей формализации судопроизводства проблема соотношения истины, правды и правосудия всё чаще проявляется посредством несоответствия юридически корректного судебного акта последствиям его реализации в социальной сфере. Даже при соблюдении требований материального и процессуального законодательства результаты рассмотрения дела могут восприниматься участниками правоотношений и обществом как не отвечающие представлениям о справедливости. Такая ситуация отражает противоречие между юридической истиной, формируемой в рамках доказательственной процедуры, и социальной правдой, связанной с фактическими и ценностными аспектами конфликта, выходящими за пределы формализованной процессуальной оценки. Другими словами, формализация правосудия может снижать уровень согласованности между юридически установленными обстоятельствами и их социальным восприятием.

Особое значение в условиях формализации имеет кассационная стадия судебного пересмотра, в которой эта проблема проявляется особенно остро. Кассационное производство направлено на устранение существенных нарушений права и обеспечение единообразия судебной практики. Социальные последствия решения, степень их соразмерности и влияние на положение участников правоотношения не образуют самостоятельных оснований для вмешательства кассационной инстанции. В результате формируется модель кассационного пересмотра, при которой процессуально установленная юридическая истина приобретает доминирующее значение по отношению к социальной составляющей судебного решения.

Цель настоящего исследования состоит в системном анализе соотношения юридической истины и социальной правды в механизмах судебного пересмотра, выявлении рисков нарушения принципа справедливости, обусловленных формализованным характером кассационной модели и оценке возможностей их нормативной коррекции.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- выявить факторы закрепления в судебной практике формально законных, но социально проблемных решений;
- определить механизмы учёта социальных последствий судебных актов в кассационном производстве;
- обосновать возможность совершенствования кассационного пересмотра посредством нормативной конкретизации (de lege ferenda) критериев существенного дефекта мотивировочной части судебного решения (вводимого в работе как аналитическая категория).

Объектом исследования является система судебного пересмотра судебных актов в условиях усиления процессуальной формализации.

Предмет исследования составляют механизмы кассационного контроля, их влияние на закрепление формально законных решений, приводящих к социально несоразмерным последствиям вследствие дисбаланса между юридической истиной и социальной правдой, и пределы реализации принципа справедливости в правосудии.

Методологическую основу исследования образуют системный, формально-юридический и философско-правовой подходы, структур-

но-функциональный анализ процессуального законодательства и правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Научная новизна исследования заключается в предложении философско-правовой модели анализа кассационного производства через соотношение юридической истины и социальной правды в структуре правосудия, а также в обосновании категории «существенный дефект мотивировочной части судебного решения» - понятия, предлагаемого в настоящем исследовании как самостоятельной аналитической категории в структуре существенных нарушений процессуального права.

2.1. Юридическая истина и социальная правда как категории судопроизводства

В правовой сфере категории истины и правды приобретают особое нормативное содержание и трансформируются в юридическую истину и социальную правду как различные аспекты судебного решения. Это обусловлено особенностями функционирования судебных институтов в условиях процессуальной формы.

В исследовании ***юридическая истина*** используется не как категория объективной истины в её классическом понимании, а как результат процессуального установления юридически значимых обстоятельств в пределах предусмотренной законом процедуры доказывания.

В рамках настоящего исследования ***социальная правда*** понимается как отражение фактического и социального восприятия результатов судебного решения с точки зрения их соразмерности, разумности и соответствия конституционно значимым ценностям, не входящее непосредственно в предмет процессуального доказывания.

Её формирование связано с оценочной деятельностью суда, осуществляемой на основе конституционных принципов, целей правосудия и внутреннего убеждения судьи, в пределах установленной законом процедуры. Социальная правда проявляется в восприятии участниками дела и обществом решения как справедливого результата правосудия.

Следовательно, юридическая истина характеризует результаты процессуального установления обстоятельств дела, тогда как социальная правда отражает оценку итогов правоприменения с позиции справедливости и соразмерности их последствий.

2.2. Принцип справедливости как результат согласования юридической истины и социальной правды

Принцип справедливости прямо не закреплён в законодательстве в качестве самостоятельного критерия оценки судебного решения, однако выводится из конституционных принципов равенства, соразмерности и права на судебную защиту и конкретизируется в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.

Устойчивая практика Конституционного Суда Российской Федерации исходит из того, что правосудие может признаваться таковым лишь при условии его соответствия требованиям справедливости и обеспечения эффективного восстановления нарушенных прав.

Правосудие как правовой институт неизбежно основывается на формализации судебной деятельности посредством процессуальных правил, обеспечивающих правовую определённость и проверяемость судебных актов. Одновременно законодатель обязан обеспечивать баланс между стабильностью правовых отношений и правом на судебную защиту, которое предполагает возможность исправления существенных нарушений, повлиявших на исход дела.

Проблема возникает тогда, когда соблюдение норм права не обеспечивает баланс прав и законных интересов сторон, а последствия судебного акта оказываются несоразмерными обстоятельствам дела. В таких условиях формируется расхождение между процессуально установленными обстоятельствами и восприятием результата как справедливого.

Тем самым соотношение юридической истины и социальной правды приобретает нормативное измерение: справедливость правосудия становится зависимой от способности судебной системы обеспечить разумное и соразмерное согласование этих элементов в рамках процессуальной формы.

2.3. Пределы реализации принципа справедливости в условиях формализации судопроизводства

Отсутствие прямого нормативного закрепления принципа справедливости частично компенсируется правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которым правосудие не может ограничиваться формальным применением закона и должно обеспечивать баланс прав и законных интересов, мотивированность судебного решения, а также его направленность на защиту конституционных ценностей.

Формализация не устраняет полностью оценочную деятельность суда, влияние конституционных ценностей и действие корректирующих правовых механизмов, включая институты пересмотра судебных актов, направленные на устранение судебных ошибок

Даже при высокой степени формализации принцип справедливости не утрачивает своего значения и не сводится к исключительно моральной категории: он продолжает функционировать как нормативно-ценностный ориентир судебной деятельности, поскольку полное исключение оценочного начала противоречило бы конституционным принципам правового государства и превратило бы правосудие в формально-техни-

ческую процедуру.

Однако реализация принципа справедливости сталкивается с объективными пределами. Судебное решение может утрачивать признак справедливости, когда при соблюдении норм материального и процессуального права возникает разрыв между юридической истиной и социальной правдой.

2.4. Соотношение юридической истины и социальной правды в механизмах кассационного пересмотра судебных решений

2.4.1. Процессуальная формализация как системная особенность процессуального права

Процессуальная формализация изменяет характер судебной деятельности, смещая её в сторону проверки соблюдения правовых и процессуальных требований.

Наиболее выраженно данная тенденция проявляется в рамках кассационного пересмотра судебных актов.

Если суды первой и апелляционной инстанций обладают процессуальными возможностями учитывать фактические обстоятельства спора и индивидуальные особенности положения сторон, достигая баланса между юридической истиной и социальной правдой, то кассационное производство институционально ограничено проверкой соответствия судебных актов требованиям закона.

Процессуальное законодательство не предусматривает самостоятельной проверки социальных последствий решения либо его соответствия принципу справедливости. При отсутствии существенных нарушений норм материального и (или) процессуального права судебный акт подлежит оставлению без изменения независимо от возможных негативных последствий его исполнения (ст. 379.7 ГПК РФ, ст. 288 АПК РФ, ст. 329 КАС РФ).

Аналогичная логика закреплена и в уголовном судопроизводстве. Основания кассационного пересмотра связаны с выявлением существенных нарушений уголовного или уголовно-процессуального закона (ст. 401.15 УПК РФ). В уголовном процессе категория справедливости преимущественно связана с оценкой соразмерности назначенного наказания и учёта смягчающих и отягчающих обстоятельств.

Вместе с тем согласно правовым позициям Конституционного Суда Российской Федерации, правосудие по своей природе должно отвечать требованиям справедливости и соразмерности последствий, а процессуальные правила не могут рассматриваться как самоцель и не должны препятствовать защите прав и законных интересов.

Несмотря на эти ориентиры конституционного правосудия, кассационное производство во всех видах судопроизводства сохраняет устойчивую ориентацию на проверку правильности применения норм права и соблюдения процессуальных требований.

Приоритет формальной законности и правовой определённости в механизме пересмотра способствует сохранению устойчивости судебных актов и одновременно создаёт условия для воспроизводства и закрепления несправедливых решений в правоприменительной практике.

Следовательно, процессуальная формализация кассационного пересмотра представляет собой не локальный дефект отдельных отраслей и не результат случайных законодательных решений, а системную характеристику современного процессуального права.

2.4.2. Пределы коррекции формально законных, но социально несоразмерных решений

Формализованный характер кассационного пересмотра объективно ограничивает возможности исправления судебных актов, соответствующих требованиям законности, но приводящих к несоразмерным социальным последствиям.

В то же время процессуальное право предусматривает механизм потенциальной коррекции таких решений на уровне высшей судебной инстанции — Верховного Суда Российской Федерации. Особое положение Суда обусловлено его функцией обеспечения единообразия судебной практики и исправления судебных ошибок, имеющих значение для правоприменения в целом.

Однако такая коррекция возможна лишь при условии трансформации социальной проблемности решения в категорию юридического дефекта. На практике это может проявляться в расширительном толковании критериев существенности нарушения.

Сама по себе несправедливость судебного решения не образует основания для его пересмотра при отсутствии установленного нарушения закона.

Дополнительным ограничением выступает ***кассационный фильтр*** — процедура предварительного отбора жалоб судьёй единолично. Поскольку на уровне кассационного пересмотра нормативно закреплён приоритет формальной законности, жалоба, основанная исключительно на несоответствии решения представлениям о справедливости, не способна преодолеть установленные процессуальные барьеры.

Доля дел, передаваемых на рассмотрение судебных коллегий Верховного Суда Российской Федерации, за период с 2005 по 2025 годы в среднем составляет около 1–3 % от числа поступивших жалоб. (Таблица 1).

Таблица 1. Статистические данные о рассмотренных по существу кассационных жалоб в Верховном Суде Российской Федерации.

Год\Категория дел	**гражданские дела**			**арбитражные дела (экономические споры)**			**административные дела**			**уголовные дела**		
	поступило	рассмотрено	%	поступило	рассмотрено	%	поступило	рассмотрено	%	поступило	рассмотрено	%
2005	77 041	177	**0,23**							85 621	1 570	**1,83**
2006	70 713	166	**0,23**							88 521	1 979	**2,24**
2007	71 649	219	**0,31**							112 773	1 935	**1,72**
2008	90 332	331	**0,37**							111 400	1 154	**1,04**
2009	99 222	509	**0,51**									
2010	98 100	492	**0,50**							105 215	793	**0,75**
2011	98 826	515	**0,52**							104 244	758	**0,73**
2012	72 298	414	**0,57**							106 316	711	**0,67**
2013 полугодие	28 294	267	**0,94**				7 320	12	**0,16**	52 167	646	**1,24**
2014	42 642	607	**1,42**	10606	70	**0,66**	10 805	82	**0,76**	51 569	494	**0,96**
2015	43 013	928	**2,16**	21955	495	**2,25**	3 556	128	**3,60**	64 799	654	**1,01**
2016	49102	928	**1,89**	24928	440	**1,77**	4 787	131	**2,74**	60404	599	**0,99**
2017	62118	935	**1,51**	28157	546	**1,94**	6 794	231	**3,40**	58689	743	**1,27**
2018	37832	503	**1,33**	15120	248	**1,64**	3 695	140	**3,79**	27801	341	**1,23**
2019	72688	876	**1,21**	37015	459	**1,24**	8 061	314	**3,90**	51273	736	**1,44**
2020	50386	564	**1,12**	33470	419	**1,25**	5 993	332	**5,54**	39245	245	**0,62**
2021	31326	421	**1,34**	18599	199	**1,07**	3 748	150	**4,00**	19147	283	**1,48**
2022	65950	662	**1,00**	42428	518	**1,22**	9 755	327	**3,35**	41894	872	**2,08**
2023	73226	763	**1,04**	47424	503	**1,06**	10 617	248	**2,34**	30694	745	**2,43**
2024	70363	770	**1,09**	38276	491	**1,28**	10 966	260	**2,37**	26007	775	**2,98**
2025 полугодие	27681	515	**1,86**	10713	175	**1,63**	4 363	92	**2,11**	11377	337	**2,96**
Средний показатель за период в %			**1,01**			**1,42**			**2,93**			**1,48**

Таблица подготовлена по данным официальной судебной статистики Верховного Суда Российской Федерации.*

**Примечание: структура судебной статистики менялась в разные годы, в связи с чем по отдельным категориям данные отсутствуют либо даны за полугодие.*

Исправление судебных ошибок осуществляется высшей инстанцией преимущественно в тех случаях, когда дисбаланс между юридической истиной и социальной правдой выходит за рамки конкретного спора и приобретает значение для правоприменения в целом либо связан с риском подрыва доверия к правосудию. Таким образом, вмешательство высшей судебной инстанции в подобные ситуации носит исключительный характер.

Следовательно, структурные пределы коррекции формально законных, но приводящих к несоразмерным последствиям решений обусловлены самой конструкцией кассационного производства.

2.4.3. Экстраординарная коррекция формально законного, но социально проблемного решения в сфере гражданского оборота недвижимости

Примером исключительного вмешательства Верховного Суда Российской Федерации является дело № 5-КГ25-174-К2.

Суды нижестоящих инстанций лишили добросовестного приобретателя права собственности на жилое помещение без компенсации понесённых затрат, возложив неблагоприятные последствия сделки на него как на лицо, принявшее риск действий продавца.

Рассматриваемое дело может быть оценено через предложенную модель как пример ситуации, в которой возникает выраженный дисбаланс между юридической истиной и социальной правдой.

Принятые судебные акты по делу первой и апелляционной инстанций с формально-процессуальной точки зрения соответствовали действующему законодательству и сложившейся судебной практике, в связи с чем кассационная инстанция оставила их без изменения.

Однако, закрепление подобной правовой позиции могло оказать влияние на устойчивость оборота недвижимости и доверие к публичным реестрам. Последствия принятого решения выходили за пределы индивидуального спора и затрагивали стабильность гражданского оборота.

Несмотря на отсутствие очевидных существенных нарушений норм права в их формально-процессуальном восприятии судами нижестоящих инстанций, дело было передано для рассмотрения судебной коллегией. Верховный Суд Российской Федерации квалифицировал последствия принятого решения через призму допущенных ошибок в толковании и применении норм материального права, отменив судебные акты нижестоящих инстанций.

При этом возможные системные последствия были использованы Судом в качестве аргументационного контекста, а не самостоятельного основания отмены судебных актов.

Правоприменительно неблагоприятный результат получил юридическую квалификацию лишь после его трансформации Верховным Судом в категорию правового дефекта.

Рассматриваемое дело демонстрирует, что социальная правда приобретает процессуальное значение лишь тогда, когда её игнорирование способно повлиять на стабильность правовой системы.

Исследованный механизм коррекции указывает на необходимость разработки нормативной конкретизации критериев существенного дефекта данного класса судебных актов (de lege ferenda), направленной на учёт их последствий при сохранении конституционных принципов правовой определённости и стабильности.

2.5. Предложение *de lege ferenda:* нормативная коррекция дисбаланса между юридической истиной и социальной правдой

2.5.1. Существенный дефект мотивировочной части судебного решения как процессуальное проявление судебной ошибки

Необходимость конкретизации критериев дефекта мотивировочной части судебного решения обусловлена тем, что имеют место нормативные ограничения проверки судебной ошибки.

Мотивировочная часть судебного решения, осуществляя логическое обоснование решения, дает возможность сторонам спора, вышестоящим инстанциям оценить правильность разрешения дела. Отсутствие в ней убедительного обоснования ставит под сомнение соответствие решения требованиям правосудия, даже если формально требования закона были соблюдены.

Дефекты правоприменения могут проявляться в недостатках мотивировочной части судебного решения, затрудняющих проверку его законности и обоснованности. Поэтому необходимо выявить существенные признаки нарушений мотивировочной части судебного акта и сформулировать их в форме, допускающей нормативное закрепление.

В настоящем исследовании предлагается рассматривать понятие «существенный дефект мотивировочной части судебного решения» как аналитическую категорию, позволяющую выявлять случаи, в которых формальная законность судебного акта не обеспечивает возможность проверки его обоснованности.

Существенный дефект мотивировочной части судебного решения — это такой недостаток мотивировочной части решения суда, при котором становится невозможной проверка законности разрешения дела и обоснованности выводов суда.

Этим определяется значение вводимого понятия и необходимость его нормативного закрепления.

Понятие позволяет анализировать формально законные решения на предмет наличия в них дисбаланса между юридической истиной и социальной правдой.

Возможные проявления существенного дефекта мотивировочной части судебного решения могут включать следующие недостатки:

1. ***Невозможность реконструировать логику судебных выводов*** — когда связь между установленными обстоятельствами и правовыми выводами не прослеживается или противоречива.

2. ***Отсутствие соотнесения выводов суда с правами и законными интересами сторон*** — когда решение не показывает, каким образом выводы суда соотносятся с правами и законными интересами участников процесса.

3. ***Отсутствие демонстрации баланса конкурирующих интересов*** — когда мотивировка не отражает соотношение интересов участников процесса и не объясняет выбор приоритетов.

4. ***Игнорирование фактических и социальных последствий выводов суда*** — когда мотивировочная часть решения не учитывает значимость результатов правоприменения для сторон и общества.

5. ***Отсутствие возможности последующей проверки*** — когда содержание мотивировочной части не позволяет вышестоящей инстанции проверить правильность разрешения дела.

Игнорирование указанных критериев существенного дефекта мотивировочной части в процессе обоснования судебного акта повышает риск вынесения несправедливого решения.

Конституционный Суд Российской Федерации не формулирует исчерпывающих критериев мотивированности судебного решения, однако в его правовых позициях содержится совокупность конституционно-правовых ориентиров, позволяющих реконструировать требования к обоснованности судебных актов (Таблица 2).

Таблица 2. Конституционно-правовые ориентиры мотивированности судебного акта в правовых позициях КС РФ.

№	Конституционно-правовой ориентир (реконструируемый критерий)	Правовая позиция КС РФ	Цитата	Источник*
1	Обоснованность судебного решения как элемент судебной защиты. Обязанность учитывать доводы участников процесса	Право на судебную защиту предполагает вынесение законного и обоснованного решения, обеспечение эффективного восстановления прав. Право сторон изложить свою позицию и обеспечение процессуальной возможности их представления.	«суд как орган правосудия призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу, и принимать меры к устранению препятствующих этому обстоятельств… им должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые они считают необходимыми для ее обоснования… В противном случае обеспечение в должном объеме права на судебную защиту было бы невозможным… правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах»	Постановление от 08.12.2003 № 18-П
2	Недопустимость произвольного осуществления правосудия; учет фактических последствий решения	Правосудие должно осуществляться на основе закона исходя из прав и свобод человека. Суд должен учитывать последствия, оценивая конкретные меры с точки зрения их воздействия на права.	«права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, ..обеспечиваются правосудием… Распространяются…также на судебные решения … для чего следует исходить из конкретной ситуации и учитывать такие критерии, как характер, продолжительность, последствия и условия исполнения рассматриваемой меры.»	Постановление от 16.06.2009 № 9-П
3	Учет фактических последствий решения и баланса прав	Соразмерность мер порождаемым ими последствиям	«меры, устанавливаемые в целях защиты конституционно значимых ценностей, должны определяться исходя из требования адекватности порождаемых ими последствий… с тем, чтобы обеспечивались соразмерность мер …а также баланс основных прав индивида и общего интереса, состоящего в защите личности, общества и государства»	Постановление от 17.01.2013 № 1-П

4	Возможность проверки судебного решения вышестоящими инстанциями в случае существенного нарушения прав и законных интересов	Процедуры обжалования обеспечивают исправление судебных ошибок. Ошибка должна быть выявляема и юридически значима.	«Конституционный Суд Российской Федерации в ряде решений, в том числе в постановлениях от 11 мая 2005 года № 5-П от 17 ноября 2005 года № 11-П сформулировал следующие правовые позиции...Пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу Акт суда, который уже вступил в законную силу, может быть изменен или отменен … когда в результате ошибки, допущенной в ходе предыдущего разбирательства и предопределившей исход дела, существенно нарушены права и законные интересы, защищаемые в судебном порядке, которые не могут быть восстановлены без устранения или изменения ошибочного судебного акта. »	Постановление от 05.02.2007 № 2-П
5	Связь правосудия со справедливостью	Судебное разбирательство должно отвечать требованиям справедливости, когда речь о критерии легитимности правосудия.	«каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела»	Постановление от 25.01.2001 № 1-П
6	Обеспечение эффективного восстановления прав	Недопустимо судопроизводство, вносящее дисбаланс в процесс исправления судебных ошибок. Пересмотр судебных актов служит защите нарушенных прав. Позиция КС РФ направлена против процедур, блокирующих исправление судебных ошибок.	«Создание …особого порядка судопроизводства, вносящего дисбаланс в функционирование институтов по исправлению судебных ошибок нарушает требования Конституции Российской Федерации»	Постановление от 21.01.2010 № 1-П
7	Демонстрация баланса конкурирующих интересов в правоотношениях; учет фактических обстоятельств дела	Недостаточность формального соответствия закону при нарушении конституционного баланса прав.	«При этом, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 28 декабря 2022 года № 59-П, формальное соблюдение требований Закона Российской Федерации… не исключает возможности вывода… об отклонении от конституционных требований о балансе прав и законных интересов сторон в правоотношениях. Вопрос о наличии таких фактов подлежит разрешению в каждом конкретном деле с учетом его фактических обстоятельств.»	Постановление от17.02.2026 № 7-П/2026
8	Соотнесение конституционных ценностей с правами и законными интересами сторон. Учет фактических последствий решения	Обеспечение справедливого баланса конституционных ценностей. Учет судами негативных последствий для защищаемых конституционных ценностей.	«необходимости обеспечения справедливого баланса названных конституционных ценностей и недопустимости умаления ни одной из них …осуществление прав и свобод человека и гражданина (а значит, и права на судебную защиту) не должно нарушать прав и свобод других лиц… учет судами при рассмотрении дел возможности наступления в конкретных социально-экономических условиях существенных негативных последствий для защищаемых Конституцией Российской Федерации и федеральными законами ценностей…необходимых для исполнения иных расходных обязательств»	Постановление от 18 ноября 2025 г. N 39-П

9	Соразмерность баланса прав. Восстановление нарушенных прав. Демонстрация баланса прав. Конституционализация решений.	Конституционная обязанность суда защищать основные права, что предполагает устойчивое влияние конституционных норм и принципов на процесс правоприменения. В основе права и правосудия лежат конституционные ценности.	«По смыслу правовых позиций, выраженных Конституционным Судом Российской Федерации в постановлениях от 2 июня 2022 года N 23-П и от 23 апреля 2024 года N 20-П, конституционная обязанность по защите основных прав предполагает устойчивое влияние конституционных норм и принципов на процесс применения гражданского законодательства, проникая в регулируемые им отношения… Такие ценности, как необходимость осуществлять права и свободы человека и гражданина без нарушения прав и свобод других лиц, соразмерность их возможных ограничений, …обеспечение реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, сбалансированность прав и обязанностей гражданина … (статья 17, часть 3; статья 45, часть 1; статья 46, часть 1; статья 52; статья 55, часть 3; статья 75.1 Конституции Российской Федерации), представляют собой объективную систему, лежащую в самой основе конституционализации частноправовых норм при их применении судами.	Постановление от 29.05.2025 N 24-П
10	Обеспечение мотивировочной частью судебного решения возможности последующей проверки ошибочного судебного решения (критерий выведен доктринально).	Судебная защита заключается в реальном восстановлении нарушенных прав. Отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт противоречит эффективному восстановлению прав посредством правосудия	«Из статьи 46 Конституции Российской Федерации во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1) и 123 (часть 3), гарантирующими равенство всех перед законом и судом и принцип состязательности судопроизводства при равноправии сторон, следует, что конституционное право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получить реальную судебную защиту с восстановлением нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством… отсутствие возможности пересмотреть ошибочный судебный акт противоречило бы универсальным во всех видах судопроизводства требованиям эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего критериям справедливости, умаляло и ограничивало бы право на судебную защиту… не ставить под сомнение конституционный принцип равенства путем приоритетной защиты прав лишь одной из сторон судопроизводства (Постановление от 12 ноября 2018 года N 40-П).»	Постановление от 23 декабря 2025 г. N 48-П

Таблица составлена на основе системного анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.*
**Примечание: Постановления Конституционного Суда Российской Федерации опубликованы на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации*

Требование мотивированности судебных актов предполагает не только указание применённых норм права и установленных обстоятельств, но и раскрытие причинно-следственной связи между ними, что обеспечивает проверяемость судебных выводов и снижает риск произвольности правоприменения.

Системный анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации помогает выявить требования к мотивировочной части судебного акта. Нарушение этих требований может рассматриваться как существенный дефект мотивировочной части судебного решения, препятствующий реализации права на судебную за-

щиту.

Устранение существенного дефекта мотивировочной части судебного решения способствует снижению дисбаланса между юридической истиной и социальной правдой в судебном акте.

Анализ мотивировочной части судебного решения позволяет проверить, каким образом в судебном акте соотнесены формальная законность и требования справедливости.

Такой подход возможно использовать в механизмах судебного пересмотра и при проектировании нормативных инструментов, способных снизить риск закрепления решений, воспринимаемых как несправедливые, сохранив, при этом, существующую процедуру кассационного контроля.

2.5.2. Нормативная конкретизация критериев существенного нарушения процессуального права: проект *de lege ferenda* и источник его формирования

Кассационное производство ограничивает возможности процессуальной коррекции решений тем, что в действующей модели критерий «существенности» нарушения норм материального и, в особенности, процессуального права нормативно не конкретизирован и носит оценочный характер.

Так, в соответствии со ст. 390.14 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основанием для отмены или изменения судебных постановлений Судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации являются существенные нарушения права, повлиявшие на исход дела и препятствующие восстановлению нарушенных прав и законных интересов.

Схожая конструкция закреплена в ч. 1 и 3 ст. 379.7 ГПК РФ, допускающих отмену судебного акта при нарушении норм процессуального права, если это привело или могло привести к принятию неправильного решения. Законодатель использует категорию существенности как ключевой фильтр кассационного пересмотра, однако не раскрывает её содержательных критериев.

Одним из направлений совершенствования законодательства представляется нормативная конкретизация критериев существенности.

Отсутствие чётких критериев порождает неоднородность правоприменительной практики и усиливает зависимость оценки от усмотрения суда кассационной инстанции.

Применительно к дефекту мотивировочной части судебного решения, в целях повышения предсказуемости правосудия, предлагается включить в ГПК РФ норму, конкретизирующую критерий существенности дефекта мотивировочной части судебного решения. Такая норма не создаёт нового основания пересмотра, а уточняет содержание уже существующего основания — существенного нарушения норм процессуального права.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации формируют устойчивый конституционно-правовой стандарт мотивированности судебного решения, вытекающий из права на судебную защиту.

Мотивировочная часть судебного акта имеет самостоятельное юридическое значение, поскольку обеспечивает возможность его проверки и эффективного обжалования.

Судебный акт должен отвечать следующим конституционно-правовым критериям:

— раскрывать логику выводов суда;

— соотносить выводы с правами и законными интересами сторон;

— демонстрировать баланс конкурирующих интересов;

— учитывать правовые и социально значимые последствия решения;

— обеспечивать возможность последующей проверки.

Указанные критерии мотивировки реконструированы на основе системного анализа правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации (Таблица 2) и определяют возможность проверки судебного акта в кассационном порядке на предмет существенного нарушения процессуального права.

В совокупности данные требования образуют критерий проверяемости судебного акта как необходимое условие его конституционной допустимости.

Проект *de lege ferenda* статьи 379.7[1] ГПК РФ

В целях нормативной конкретизации одного из существенных нарушений процессуального права предлагается дополнить ГПК РФ статьёй следующего содержания:

Статья 379.7[1]. Существенные дефекты мотивировочной части судебного решения

«Существенным нарушением норм процессуального права признаётся отсутствие в мотивировочной части судебного решения достаточного обоснования, которое в своей совокупности либо в существенной его части не позволяет установить логику судебных выводов, их соотнесение с затрагиваемыми правами и законными интересами сторон, соблюдение баланса указанных прав и законных интересов, а также фактические последствия сделанных судом выводов, если такое отсутствие препятствует проверке правильности разрешения дела».

Предлагаемая норма кодифицирует сформированный Конституционным Судом стандарт мотивированности судебного решения и создаёт процессуальные предпосылки для устранения дисбаланса между юридической истиной и социальной правдой (в случае его наличия) с целью достижения справедливого правосудия.

Предлагаемая конкретизация критериев существенного дефекта мотивировочной части судебного решения может быть интерпретирована как проверочный алгоритм для кассационной

инстанции. Существенным следует признавать такой дефект мотивировки, который делает невозможным установление:

— фактических оснований выводов суда;

— правовой логики принятого решения;

— соотнесения выводов суда с правами и законными интересами сторон;

— распределения неблагоприятных последствий между участниками правоотношения;

— соблюдения баланса конкурирующих интересов.

Отсутствие хотя бы одного из указанных элементов само по себе не образует существенного нарушения, однако их совокупная недостаточность, препятствующая проверке правильности разрешения дела, должна рассматриваться как основание для кассационного вмешательства в рамках статьи 379.7 ГПК РФ.

2.5.3. Пределы применимости проекта статьи 379.7[1] ГПК РФ. Применение на примере дела № 5-КГ25-174-К2

Проектируемая статья не направлена на расширение предмета кассационного пересмотра и не допускает пересмотра судебных актов по мотивам несогласия с результатом либо по соображениям справедливости как таковой. Её применение ограничено случаями, когда отсутствие надлежащей мотивировки делает невозможной проверку законности и обоснованности решения.

Норма носит вспомогательный характер по отношению к ст. 379.7 ГПК РФ и конкретизирует содержание процессуального нарушения применительно к мотивировочной части судебного акта. Она не изменяет пределы кассационного рассмотрения, а уточняет критерии оценки существенности дефекта мотивировочной части судебного решения.

Критерий имеет точечный характер и применяется исключительно в ситуациях, когда мотивировка не позволяет установить правильность разрешения дела.

Практическая применимость предложенных критериев может быть проиллюстрирована на примере дела № 5-КГ25-174-К2.

В определении Верховного Суда приведены выводы суда первой инстанции о возврате квартиры истице вследствие недействительности сделки и об отказе в применении двусторонней реституции. Основанием отказа послужило обстоятельство введения третьими лицами (совершившими преступление) истицы в заблуждение и передачи ею им денежных средств.

Однако в мотивировочной части отсутствует анализ распределения неблагоприятных последствий между сторонами. Суд не раскрыл, по каким причинам последствия противоправных действий третьих лиц фактически возложены на добросовестного приобретателя.

В мотивировке отсутствует анализ, позволяющий установить, учитывал ли суд принцип распределения рисков в гражданском обороте и каким образом он соотнёс сделанные выводы с балансом интересов сторон.

Кроме того, мотивировка содержит внутреннюю непоследовательность: установлен факт передачи денежных средств, но одновременно указано на отсутствие доказательств возмездного характера сделки (абз. 12–13 стр. Определения Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 №5-КГ25-174-К2).

Указанные недостатки препятствуют проверке правильности разрешения дела и свидетельствуют о наличии существенного дефекта мотивировочной части судебного решения в смысле проекта статьи 379.7[1] ГПК РФ.

3. Обзор дискурса в научной среде

Проблематика соотношения юридической истины, социальной правды и принципа справедливости в кассационном производстве в настоящей статье обсуждается преимущественно в контексте судебной практики и процессуального законодательства.

В юридической литературе

- встречаются работы, посвящённые вопросам мотивированности судебных решений и кассационного контроля;

- обсуждаются недостатки мотивировочной части, неполной мотивировки, необоснованность решения;

- доктринальные источники обычно ограничиваются общими рассуждениями о принципе справедливости и анализом отдельных аспектов процессуального права.

Таким образом, системный анализ соотношения юридической истины и социальной правды в механизме кассационного пересмотра в современной юридической литературе разработан недостаточно.

4. Заключение

Анализ процессуального законодательства показывает, что во всех процессуальных кодексах действует единая модель кассационного пересмотра, ориентированная на выявление существенных нарушений права при проверке законности судебного решения.

Даже существенное нарушение баланса интересов участников правоотношения либо очевидная несоразмерность последствий принятого решения сами по себе не приобретают юридического значения в кассационном производстве, если отсутствует установленное нарушение правовых норм.

Закрепление в судебной практике формально законных судебных решений, воспринимаемых как несправедливые, свидетельствует о структурном расхождении между требованиями правовой определённости и задачей обеспечения справедливости правосудия.

В исследовании проанализирована проблема приоритета юридической истины, устанавли-

ваемой в пределах процессуальной формы, над социальной правдой, отражающей фактическое воздействие решения на положение участников правоотношения, и установлено, что она носит системный характер.

Выявленная проблема действующей модели не может быть полностью устранена путём введения самостоятельного основания пересмотра по мотивам несправедливости без изменения природы кассационного производства. Вместе с тем действующая модель допускает внутреннюю корректировку через уточнение требований к мотивировочной части судебного решения. При отсутствии анализа баланса прав и законных интересов сторон, фактических последствий решения либо мотивов выбора судом конкретного правового варианта при наличии альтернатив проблема проявляется как дефект мотивировочной части, препятствующий проверке правильности решения.

В работе обоснована нормативная конкретизация признаков существенного дефекта мотивировочной части судебного решения. Предлагаемый подход:

- обеспечивает учет социально значимых последствий судебного акта в пределах существующей модели кассационного контроля без изменения её предмета и полномочий;

- делает возможным проверку судебного решения на наличие баланса между юридической истиной и социальной правдой как необходимого условия справедливого правосудия.

Предложенный подход позволяет рассматривать мотивированность судебного акта не как формальное процессуальное требование, а как механизм согласования юридической истины и социальной правды, обеспечивающий достижение справедливости как цели правосудия.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.01.2026).

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 18.01.2026).

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 18.01.2026).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 18.01.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=873109 (дата обращения: 18.01.2026).

[7] Судебная статистика Верховного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/ (дата обращения: 18.01.2026).

[8] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.01.2026).

[9] Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/ (дата обращения: 18.01.2026).

[10] Алексеев С.С. Теория права. — М.: БЕК, 1995. С. 3-5.

[11] Нерсесянц В.С. Философия права. — М.: Норма, 2011. 848 с.

[12] Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник. — М.: Юрайт, 2024. 634 с.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 25.01.2001. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (дата обращения: 18.01.2026).

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 08.12.2003. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 18.01.2026).

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П от 05.02.2007. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/ (дата обращения: 18.01.2026).

[16] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 9-П от 16.06.2009. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88989/ (дата обращения: 18.01.2026).

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 21.01.2010. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96788/ (дата обращения: 18.01.2026).

[18] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 17.01.2013. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140993/ (дата обращения: 18.01.2026).

[19] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 24-П от 29.05.2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (дата обращения: 18.01.2026).

[20] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 39-П от 18.11.2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519061/ (дата обращения: 18.01.2026).

[21] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 48-П от 23.12.2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522349/ (дата обращения: 18.01.2026).

[22] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 7-П/2026 от 17.02.2026. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526704/ (дата обращения: 18.01.2026).

References:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 18.01.2026).

[2] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 18.01.2026).

[3] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 18.01.2026).

[4] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_176147/ (дата обращения: 18.01.2026).

[5] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 18.01.2026).

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 5-КГ25-174-К2. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=873109 (дата обращения: 18.01.2026).

[7] Судебная статистика Верховного Суда Российской Федерации // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/ (дата обращения: 18.01.2026).

[8] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.01.2026).

[9] Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: https://www.ksrf.ru/ (дата обращения: 18.01.2026).

[10] Алексеев С.С. Теория права. — М.: БЕК, 1995. С. 3-5.

[11] Нерсесянц В.С. Философия права. — М.: Норма, 2011. 848 с.

[12] Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник. — М.: Юрайт, 2024. 634 с.

[13] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 25.01.2001. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_30212/ (дата обращения: 18.01.2026).

[14] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 18-П от 08.12.2003. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45528/ (дата обращения: 18.01.2026).

[15] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 2-П от 05.02.2007. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_66124/ (дата обращения: 18.01.2026).

[16] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 9-П от 16.06.2009. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88989/ (дата обращения: 18.01.2026).

[17] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 21.01.2010. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96788/ (дата обращения: 18.01.2026).

[18] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 17.01.2013. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140993/ (дата обращения: 18.01.2026).

[19] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 24-П от 29.05.2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_506383/ (дата обращения: 18.01.2026).

[20] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 39-П от 18.11.2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519061/ (дата обращения: 18.01.2026).

[21] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 48-П от 23.12.2025. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522349/ (дата обращения: 18.01.2026).

[22] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 7-П/2026 от 17.02.2026. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_526704/ (дата обращения: 18.01.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 03.08.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-39-44

СТУС Нина Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала ФГБУОВО
«Российский государственный университет правосудия»,
Россия, 350020, г. Краснодар, ул. Красных Партизан, 234,
e-mail: ninastus@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА АДАПТИВНОЙ РЕТРАНСЛЯЦИИ НОРМЫ: ДОКТРИНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОЙ КОММУНИКАЦИИ С НЕПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ АДРЕСАТОМ (НА МАТЕРИАЛЕ НАПУТСТВЕННОГО СЛОВА ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩЕГО В СУДЕ ПРИСЯЖНЫХ)

Аннотация. В статье с теоретико-правовых позиций обосновывается адаптивная ретрансляция правовой нормы как самостоятельная операция юридической техники, обеспечивающая преодоление когнитивно-нормативной асимметрии между профессиональным субъектом и непрофессиональным адресатом правовой коммуникации. На материале напутственного слова председательствующего в суде присяжных выявляется триада юридико-технических императивов адаптивной ретрансляции – денотативное тождество нормы, перцептивная конгруэнтность и аксиологическая нейтральность, – раскрывается их внутренняя антиномичность и предлагается механизм ее снятия через категорию функционального эквивалента. Определяются институциональные пределы усмотрения председательствующего и конституционно-правовое значение качества правовой коммуникации как условия реализации права граждан на участие в отправлении правосудия.

Ключевые слова: юридическая техника, правовая коммуникация, непрофессиональный адресат, когнитивно-нормативная асимметрия, денотативное тождество, перцептивная конгруэнтность, аксиологическая нейтральность, напутственное слово, суд присяжных.

STUS Nina Vladimirovna,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor, Department of General Theoretical Legal Disciplines,
North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education «Russian State University of Justice»

LEGAL TECHNIQUE OF ADAPTIVE RELATIONSHIP OF A NORMA: A DOCTRINAL MODEL OF LEGAL COMMUNICATION WITH A NON-PROFESSIONAL ADDRESSEE (BASED ON THE OPENING ADDRESS OF THE PRESIDING JUDGE IN A JURY TRIAL)

Annotation. This article, from a theoretical and legal perspective, substantiates the adaptive retranslation of legal norms as an independent legal technical operation that overcomes the cognitive-normative asymmetry between the professional subject and the non-professional recipient of legal communication. Using the presiding judge's opening remarks in a jury trial, it identifies a triad of legal-technical imperatives of adaptive retranslation – the denotative identity of the norm, perceptual congruence, and axiological neutrality – and reveals their inherent antinomy. A mechanism for resolving this antinomy is proposed through the category of functional equivalent. The institutional limits of the presiding judge's discretion are defined, as well as the constitutional and legal significance of the quality of legal communication as a condition for realizing citizens' rights to participate in the administration of justice.

Key words: legal technique, legal communication, non-professional addressee, cognitive-normative asymmetry, denotative identity, perceptual congruence, axiological neutrality, parting words, jury trial.

Введение

Право по своей институциональной природе адресовано преимущественно профессиональному сообществу: законодатель конструирует норму средствами специализированного языка, рассчитанного на владение герменевтическим инструментарием юридической доктрины. Между тем значительная часть актов правореализа-

ции адресована лицам, не обладающим таким инструментарием, – потерпевшему, свидетелю, участнику административных правоотношений, наконец, присяжному заседателю. Возникающий разрыв между нормативной сложностью правового текста и когнитивными ресурсами его непрофессионального адресата долгое время оставался на периферии теоретико-правового знания: понятность правового текста исследовалась преимущественно в юрислингвистике [1], а юридическая техника –применительно к правотворчеству, то есть к операциям адресанта над текстом нормы, а не к операциям над ее последующей ретрансляцией непрофессиональному получателю.

Вместе с тем между правотворческой юридической техникой и техникой толкования права существует самостоятельный, институционально обособленный технико-юридический слой – техника адаптивной ретрансляции нормы, задача которой состоит не в создании нормативного текста и не в раскрытии его смысла для профессионального правоприменителя, а в приведении уже истолкованного нормативного содержания в состояние, воспринимаемое непрофессиональным сознанием, без утраты этим содержанием его нормативного объема. Наиболее чистым, процессуально формализованным и практически верифицируемым образцом такой техники выступает напутственное слово председательствующего в суде присяжных (ст. 340 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [2]) – единственная известная российскому процессуальному праву коммуникативная процедура, дефектность которой прямо и самостоятельно влечет отмену состоявшегося судебного постановления. Именно эта процессуальная санкционированность делает напутственное слово наиболее предпочтительным эмпирическим материалом для построения общей доктринальной модели.

Место техники адаптивной ретрансляции нормы в системе видов юридической техники

Юридическая техника есть категория родовая, объединяющая несколько видовых технико-юридических комплексов, различающихся по предмету и результату деятельности. Классическая советская и постсоветская доктрина различала как минимум три относительно самостоятельных уровня юридической техники – правотворческий (техника подготовки и оформления текстов нормативных правовых актов), правоприменительный (техника подготовки индивидуальных правовых актов и, в частности, техника интерпретации, то есть раскрытия содержания нормы применительно к конкретному случаю) и систематизационный (техника кодификации, консолидации, учета нормативного массива) [3, с. 84]. Более того, даже в рамках узкого, правотворческого понимания юридической техники доктрина не достигла терминологического единства: справедливо отмечается, что отсутствие четкого уяснения природы данной категории затрудняет решение как научных, так и практических вопросов, связанных с рациональной организацией законотворчества, реализацией правовых актов, их интерпретацией и систематизацией [4, с. 71]. Иными словами, само требование определенности понятия юридической техники распространяется доктриной не только на правотворческий ее сегмент, но и на смежные с ним области, что прямо предполагает существование юридической техники за пределами создания нормативного текста.

Техника, о которой идет речь в настоящей статье, занимает в этой системе особое положение: она вторична по отношению к интерпретации в узком смысле (раскрытию смысла нормы для профессиональных целей правоприменения), но первична по отношению к результату всей коммуникации – фактическому восприятию нормы непрофессиональным адресатом. Отсюда следует принципиальный тезис: техника адаптивной ретрансляции нормы не заменяет интерпретацию и не является ее суррогатом, а представляет собой следующий, самостоятельный этап технико-юридической деятельности, применяемый к уже истолкованному содержанию нормы. Ошибка на этапе ретрансляции, таким образом, не тождественна ошибке толкования: председательствующий может истолковать норму безупречно и одновременно юридико-технически некорректно разъяснить истолкованное присяжным, и именно этот разрыв между корректностью толкования и корректностью разъяснения образует специфический предмет теоретического анализа, до сих пор не получивший должного внимания.

Существенно для обоснования самостоятельности данного технико-юридического уровня и следующее наблюдение: сама презумпция знания закона *(ignorantia juris non excusat),* на которой строится вся конструкция юридической ответственности, логически предполагает принципиальную познаваемость правового предписания его адресатом. Однако эта познаваемость обеспечивается не одним лишь фактом опубликования нормативного текста, а всей совокупностью механизмов, посредством которых содержание нормы становится доступным сознанию адресата, включая механизмы прямого, ситуативного разъяснения нормы применительно к конкретному случаю ее применения. Там, где законодатель прямо институционализирует такое разъяснение как обязательный элемент процессуальной формы (как это сделано применительно к напутственному слову), презумпция знания закона получает дополнительное, процессуально обеспеченное основание; там же, где подобный институт отсутствует, познаваемость права для непрофессионального адресата остается фикцией, не подкрепленной реальным технико-юридическим механизмом ее осуществления.

Объектом техники адаптивной ретрансляции нормы выступает не норма как таковая, а норма

в единстве с конкретным юридическим фактом и конкретным непрофессиональным адресатом; субъектом – уполномоченный правоприменитель, наделенный одновременно и интерпретационной компетенцией, и обязанностью довести результат толкования до сведения адресата в форме, обеспечивающей действительное восприятие. Результатом разъяснительной техники служит не новый нормативный или индивидуальный правовой акт, а сформированный в сознании адресата правовой образ нормы, пригодный для его последующего самостоятельного применения адресатом к установленным фактам, что принципиально отличает данную технику от всех прочих видов юридической техники, результат которых остается у самого субъекта деятельности.

Когнитивно-нормативная асимметрия как онтологическое основание правовой коммуникации с непрофессиональным адресатом

Под непрофессиональным адресатом правовой коммуникации мы понимаем субъекта, включенного в орбиту правоприменения не в качестве интерпретатора, обладающего доктринально верифицированной герменевтической компетенцией, а в качестве получателя нормативного правового предписания, лишенного специализированного инструментария его декодирования. Этим непрофессиональный адресат принципиально отличается от правоприменителя: последний воспринимает норму через призму профессионального правосознания, опосредованного юридическим образованием, судебной и доктринальной традицией [5, с. 123-124]; первый же вынужден воспринимать норму непосредственно, минуя это опосредование, но будучи при этом обязанным – в силу властного характера правового предписания – действовать в соответствии с ее содержанием.

Разрыв между профессиональным и непрофессиональным восприятием нормы мы предлагаем обозначить категорией когнитивно-нормативной асимметрии. Данная асимметрия имеет триадическую структуру источников.

Во-первых, асимметрия терминологическая: специальная юридическая лексика (составообразующие признаки, квалифицирующие обстоятельства, оценочные и бланкетные понятия) не имеет прямых эквивалентов в обыденном языке либо имеет эквиваленты, искажающие объем юридического понятия.

Во-вторых, асимметрия структурная: нормативная конструкция строится на приемах, рассчитанных на профессиональное восприятие, – отсылках, презумпциях, фикциях, системных связях между нормами, – распознавание которых требует владения структурой нормативного массива в целом, а не отдельным его фрагментом.

В-третьих, асимметрия аксиологическая: профессиональное правосознание оперирует имплицитными ценностными презумпциями (презумпция невиновности, состязательность, недопустимость произвольного расширения уголовной репрессии), интериоризированными в процессе юридической социализации и потому не нуждающимися в профессиональной среде в специальном проговаривании, тогда как для непрофессионального сознания эти презумпции неочевидны и должны быть эксплицированы.

Существенно, что когнитивно-нормативная асимметрия не является дефектом правовой системы, подлежащим устранению посредством упрощения самого нормативного текста: такое упрощение обесценило бы регулятивный потенциал права, рассчитанный в первую очередь на профессионального

адресата – правоприменителя, законодателя будущего, доктрину [6, с. 375]. Асимметрия есть структурная данность, снимаемая не на уровне правотворчества, а на уровне отдельной, вторичной по отношению к норме коммуникативной операции – операции ее адаптивной ретрансляции конкретному непрофессиональному адресату в конкретном правоприменительном контексте.

В заявленном отношении необходимо провести принципиальное разграничение, образующее теоретическое ядро рассматриваемой проблемы: между адаптивной ретрансляцией и семантической редукцией нормы. Адаптивная ретрансляция есть операция, сохраняющая денотат нормы – совокупность ее нормативно значимых признаков – при изменении лишь языковой формы его выражения. Семантическая редукция есть операция, при которой изменение языковой формы влечет утрату либо искажение части денотата: исключение квалифицирующего признака, смешение форм вины, подмену оценочного понятия его частным случаем. Первая операция юридико-технически допустима и, более того, необходима; вторая – недопустима ни при каких обстоятельствах, поскольку означает не разъяснение права непрофессиональному адресату, а фактическую его подмену иным, юридически не тождественным содержанием.

Триада юридико-технических императивов адаптивной ретрансляции нормы

Центральным теоретическим результатом настоящего исследования является выявление и систематизация трех императивов, которым должна отвечать всякая операция адаптивной ретрансляции нормы независимо от конкретной формы правовой коммуникации, в которой она осуществляется.

Первый императив – *денотативное тождество нормы* (norma manet eadem: норма остается тождественной себе). Данный императив требует, чтобы адаптация языковой формы правового предписания ни при каких условиях не изменяла объем регулируемого им состава: не расширяла и не сужала совокупность квалифицирующих

признаков, форм вины, целей, мотивов, обстоятельств, исключающих преступность деяния или ответственность, а равно объем процессуальных гарантий, связанных с применением разъясняемой нормы. Нарушение этого императива мы обозначаем как дефект денотативного смещения: адресат получает не адаптированную, а фактически иную, юридически не тождественную норму, и основанное на ней волеизъявление коллегии лишено надлежащей правовой основы. Именно требование денотативного тождества образует юридико-техническую границу между допустимой заменой термина описательной конструкцией и недопустимой бытовой парафразой, изменяющей нормативное содержание.

Второй императив – *перцептивная конгруэнтность,* то есть соответствие избранных языковых средств когнитивному горизонту конкретного непрофессионального адресата. Данный императив не тождественен требованию простоты как таковой: избыточное упрощение так же нарушает перцептивную конгруэнтность, как и избыточная терминологическая насыщенность, – в обоих случаях адресат оказывается неспособен воспринять действительное содержание разъясняемой нормы, хотя причины этой неспособности противоположны (в первом случае – фрагментарность и неполнота образа нормы, во втором – терминологическая непроницаемость текста). Юридико-технически перцептивная конгруэнтность достигается не заменой термина, а построением функционального эквивалента понятия – такой описательной конструкции, которая воспроизводит распознающие признаки юридического понятия в форме, доступной адресату, не обладающему специальным образованием, но не редуцирует их число.

Третий императив – *аксиологическая нейтральность правовой коммуникации*. Он требует, чтобы разъяснение нормы не сопровождалось скрытым ценностным или доказательственным воздействием на волю адресата в пользу одной из процессуальных позиций. Применительно к напутственному слову данный императив прямо институционализирован процессуальным законом: ч. 6 ст. 340 УПК РФ предоставляет сторонам право заявить возражения в связи с содержанием напутственного слова по мотивам нарушения принципа объективности и беспристрастности председательствующего. Существенно, что аксиологическая нейтральность не тождественна информационной пассивности: председательствующий не вправе умолчать о существенных для дела обстоятельствах под предлогом сохранения нейтральности – нейтральность требует симметричного, а не избирательного освещения позиций сторон.

Между первым и вторым императивами существует внутреннее диалектическое напряжение: требование сохранить полный нормативный объем понятия толкает к использованию точной юридической терминологии, тогда как требование обеспечить перцептивную конгруэнтность толкает к отказу от такой терминологии в пользу общедоступного языка. Данная антиномия неустранима, поскольку она может быть снята лишь в каждом конкретном акте коммуникации через нахождение функционального эквивалента, о котором говорилось выше: языковой конструкции, воспроизводящей все юридически значимые признаки понятия при отсутствии терминологической формы. Способность к построению таких эквивалентов и составляет содержательное ядро юридической техники адаптивной ретрансляции, отличающее ее от простого пересказа закона.

Соответственно нарушение каждого из трех императивов образует самостоятельный вид технико-юридического дефекта адаптивной ретрансляции: дефект денотативного смещения (нарушение первого императива), дефект перцептивной непроницаемости – как терминологической перегрузки, так и избыточной редукции (нарушение второго императива), и дефект аксиологической асимметрии, проявляющийся в неравномерном, интонационно или структурно акцентированном изложении позиций сторон (нарушение третьего императива). Практическое значение предложенной триады состоит в том, что она задает единый теоретический критерий для квалификации самых разнородных на первый взгляд процессуальных нарушений, связанных с содержанием напутственного слова, – критерий, позволяющий отграничить дефекты формы разъяснения от дефектов его правового содержания.

Напутственное слово присяжным заседателям как институционализированная форма адаптивной ретрансляции нормы

Согласно ст. 340 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации председательствующий обязан напомнить исследованные с участием присяжных доказательства без их оценки, разъяснить подлежащий применению уголовный закон, напомнить содержание обвинения и позиций сторон, разъяснить основные правила оценки доказательств, сущность принципа презумпции невиновности, порядок вынесения вердикта, а также предупредить коллегию об обстоятельствах, не подлежащих учету при принятии решения. Уже сам перечень предписанных законом операций демонстрирует, что напутственное слово по своей юридической природе есть не факультативное напутствие в бытовом смысле слова, а обязательный, нормативно детализированный акт ретрансляции профессионально сформированного правового содержания непрофессиональной коллегии, наделенной при этом властным полномочием вынесения обязательного для суда вердикта.

Институциональная уникальность напутственного слова как объекта теоретико-правового анализа определяется тремя обстоятельствами.

Оно является, во-первых, единственной устной формой правовой коммуникации, дефектность которой процессуальный закон прямо связывает с отменой итогового судебного акта; во-вторых, коммуникацией принудительной и одноразовой – коллегия присяжных не вправе прервать председательствующего, задать уточняющий вопрос в произвольный момент либо потребовать повторения; в-третьих, коммуникацией, в рамках которой адресат (присяжные) в течение непродолжительного времени превращается в квазиадресанта – субъекта, самостоятельно применяющего воспринятую норму к установленным фактическим обстоятельствам. И.Я. Фойницкий обоснованно характеризовал профессионального судью применительно к присяжным как их юридического руководителя [7, с. 123], однако данная характеристика нуждается, на наш взгляд, в технико-юридическом уточнении: руководство это осуществляется не посредством властного разрешения дела, а исключительно посредством операции адаптивной ретрансляции, результат которой – сформированный у присяжных адекватный правовой образ подлежащего применению закона.

Функциональное назначение напутственного слова раскрывается через триаду взаимосвязанных функций. Функция нормативной ориентации состоит в формировании у присяжных минимально необходимого и юридически корректного образа подлежащей применению нормы уголовного и уголовно-процессуального закона – без такого образа коллегия физически лишена возможности соотнести установленные факты с требуемой законом квалификацией. Функция процессуального очищения состоит в исключении из массива значимой для присяжных информации сведений, не подлежащих учету при вынесении вердикта, притом что такое исключение должно быть не абстрактным заклинанием, а указанием на конкретные, ранее прозвучавшие в процессе эпизоды. Функция легитимации состоит в подтверждении того, что итоговый вердикт вынесен на надлежащей правовой платформе, а не на основе произвольного, юридически не выверенного представления коллегии о содержании закона; данная функция имеет прямой конституционно-правовой резонанс, поскольку без нее участие граждан в отправлении правосудия, предусмотренное статьей 32 Конституции Российской Федерации [8], утрачивает связь с принципом законности и вырождается в квазиправосудие, основанное на случайном стечении представлений непрофессиональной коллегии.

Техника адаптивной ретрансляции, будучи по определению творческой деятельностью, предполагающей самостоятельный выбор председательствующим языковых средств и последовательности изложения, тем не менее не является актом свободного усмотрения. Ее пределы заданы двумя группами гарантий.

Процессуальные гарантии реализуются через институт возражений сторон на содержание напутственного слова (ч. 6 ст. 340 УПК РФ), который следует рассматривать не как частный технический механизм, а как единственный предусмотренный законом момент, в который стороны вправе указать на дефектность произведенного разъяснения до удаления коллегии в совещательную комнату. Отсутствие сопоставимого механизма обратной связи в иных формах правовой коммуникации с непрофессиональным адресатом составляет, на наш взгляд, существенный технико-юридический пробел соответствующих процессуальных институтов, заслуживающий отдельного исследования.

Материальные гарантии заключаются в том, что толкование права, предшествующее разъяснению, само носит субсидиарный, обслуживающий характер по отношению к дискреционным полномочиям коллегии присяжных при разрешении вопросов факта и виновности [9, с. 95]: председательствующий не вправе конструировать содержание разъяснения произвольно, а обязан опираться на действительную структуру подлежащего применению нормативного массива, включая системные связи между нормами уголовного и уголовно-процессуального закона.

Институт участия представителей народа в отправлении правосудия имеет в отечественном праве давнюю генетическую традицию [10], а вопрос о соотношении толкования права и разъяснения его содержания коллегии присяжных сохраняет актуальность на всем протяжении существования данного процессуального института, что свидетельствует не о случайности, а о структурном характере рассмотренной в настоящей статье проблемы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие теоретические выводы. Разрыв между профессиональной правовой коммуникацией и коммуникацией с непрофессиональным адресатом образует самостоятельный технико-юридический предмет – операцию адаптивной ретрансляции нормы, качественно отличную как от правотворческой юридической техники, так и от толкования права в его классическом, обращенном к профессиональному правоприменителю понимании. Данная операция подчинена триаде юридико-технических императивов – денотативному тождеству нормы, перцептивной конгруэнтности и аксиологической нейтральности, – находящихся между собой в отношении диалектического напряжения, снимаемого через построение функциональных эквивалентов юридических понятий. Напутственное слово председательствующего в суде присяжных выступает наиболее институционально развитой и процессуально гарантированной формой такой операции, что делает разработанную модель верифицируемой и, вместе с тем, применимой за

пределами собственно суда присяжных – к разъяснению прав задержанному и обвиняемому, к правовому информированию участников иных видов судопроизводства, к юридико-техническому проектированию цифровых правовых сервисов, объясняющих гражданину правовые последствия совершаемых им действий. В каждом из этих случаев качество адаптивной ретрансляции нормы перестает быть вопросом стилистики и становится, как показывает рассмотренный материал, условием реализации самого права – будь то право на участие в отправлении правосудия, право на защиту или иное конституционно значимое правомочие непрофессионального адресата правовой коммуникации.

Список литературы:

[1] Белов, С. А. Понятность текстов юридических документов: фикция или презумпция? / С. А. Белов, К. В. Тарасова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2019. – Т. 10, № 4. – С. 610-625.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

[3] Бабаев, В. К. Теория государства в схемах и определениях: учебное пособие / В. К. Бабаев, В. М. Баранов, В. А. Толстик. – М., 1999. – 250 с.

[4] Бахвалов, С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): специальность 12.00.01 – «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: дис. … канд. юрид. наук / Бахвалов Сергей Владимирович. – Нижний Новгород, 2006. – 272 с.

[5] Стус, Н. В. Профессиональное правосознание судей: проблемы и тенденции / Правосознание и правовое регулирование в России: коллективная монография / Отв. ред. М. А. Гусарова, В. В. Ковалева. – Краснодар: ООО «Издательский Дом – Юг», 2024. – 178 с.

[6] Лушников, П. В. Правовая коммуникация и ее участники: теоретический аспект / П. В. Лушников // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 369-378.

[7] Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Тип. тов-ва «Общественная Польза», 1912. – Т. 1 – 312 с.

[8] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Российская газета. 1993, 25 декабря; 2020, 4 июля.

[9] Стус, Н. В. Толкование права в форме напутственного слова председательствующего судьи присяжным заседателям / Н. В. Стус // Власть Закона. – 2023. – № 4(56). – С. 95-103.

[10] Стус, Н. В. Народовластный ресурс в развитии правосудия: отечественный опыт / Н. В. Стус // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2021. – Т. 46, № 2. – С. 376-384.

References:

[1] Belov, S. A. The Intelligibility of Legal Texts: A Fiction or a Presumption? / S. A. Belov, K. V. Tarasova // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2019. – Vol. 10, No. 4. – pp. 610–625.

[2] Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52 (Part I). – Art. 4921.

[3] Babayev, V. K. Theory of the State in Diagrams and Definitions: A Study Guide / V. K. Babayev, V. M. Baranov, V. A. Tolstik. – Moscow, 1999. – 250 p.

[4] Bakhvalov, S. V. Legislative Technology (Selected Theoretical and Methodological Issues): Specialty 12.00.01 – «Theory and History of Law and the State; History of Legal and Political Doctrines»: Dissertation for the degree of Candidate of Legal Sciences / Bakhvalov, Sergey Vladimirovich. – Nizhny Novgorod, 2006. – 272 p.

[5] Stus, N. V. Professional Legal Consciousness of Judges: Problems and Trends / In: Legal Consciousness and Legal Regulation in Russia: A Collective Monograph / Eds. M. A. Gusarova, V. V. Kovaleva. – Krasnodar: Izdatelsky Dom – Yug LLC, 2024. – 178 p.

[6] Lushnikov, P. V. Legal Communication and Its Participants: A Theoretical Aspect / P. V. Lushnikov // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. – 2019. – Vol. 29, No. 3. – pp. 369–378.

[7] Foynitsky, I. Ya. A Course on Criminal Procedure: in 2 vols. / I. Ya. Foynitsky. – St. Petersburg: «Obshchestvennaya Polza» Publishing House, 1912. – Vol. 1 – 312 p.

[8] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta. 1993, December 25; 2020, July 4.

[9] Stus, N. V. Interpretation of Law in the Form of the Presiding Judge's Instructions to the Jury / N. V. Stus // Vlast Zakona (The Power of Law). – 2023. – No. 4(56). – pp. 95–103.

[10] Stus, N. V. The Resource of Popular Sovereignty in the Development of Justice: The Domestic Experience / N. V. Stus // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. – 2021. – Vol. 46, No. 2. – pp. 376–384.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-45-49

КОТЕЛЬНИКОВА Анастасия Александровна,
студентка 3 курса
Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ШИГОНИН Александр Борисович,
кандидат юридических наук,
e-mail: mail@law-books.ru

СУБЪЕКТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ОХОТУ

Аннотация. В статье рассматривается круг лиц, подлежащих уголовной ответственности за незаконную охоту по российскому законодательству (ст. 258 УК РФ). Анализируются общие и специальные признаки субъекта преступления — в том числе возраст наступления ответственности, вменяемость, а также случаи, когда субъект обладает дополнительными характеристиками (например, является должностным лицом либо использует служебное положение). Отдельное внимание уделено разграничению уголовной и административной ответственности в зависимости от характеристик нарушителя и обстоятельств деяния.

Ключевые слова: незаконная охота, охота, субъект, признаки субъекта.

KOTELNIKOVA Anastasia Aleksandrovna,
3rd-year student
at the V. M. Lebedev Russian State University of Justice,
Simferopol, Russia

Academic Supervisor:
SHIGONIN Aleksandr Borisovich,
Candidate of Legal Sciences (PhD in Law)

SUBJECT OF CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL HUNTING

Annotation. The article examines the range of persons subject to criminal liability for illegal hunting under Russian law (Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation). The general and special characteristics of the subject of the crime are analysed, including the age at which liability arises, mental capacity, as well as cases where the subject possesses additional characteristics (for example, being an official or using their official position). Special attention is paid to the distinction between criminal and administrative liability, depending on the characteristics of the offender and the circumstances of the act.

Key words: illegal hunting, hunting, subject, characteristics of the subject.

Вопрос о круге лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за незаконную охоту, на первый взгляд выглядит очевидным. При более внимательном изучении установление признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, обнаруживает себя среди главных практических проблем квалификации.

От правильного определения субъекта зависит факт привлечения лица к ответственности. Зависит и квалификация действий по общей части статьи либо по части, предусматривающей более строгое наказание за использование служебного положения.

Забегая вперёд, отметим традиционное выделение российским уголовным правом двух типов субъекта преступления, общего и специального. Незаконная охота в указанном смысле не составляет исключения. Актуальность темы подтверждается современными криминологическими исследованиями, всё активнее обращающимися к изучению личности типичного браконьера. Авторы стремятся выяснить, кто чаще всего совершает подобные преступления и почему [8, с. 3]. Цель статьи состоит в рассмотрении признаков субъекта незаконной охоты, общих и специальных, и в исследовании практических проблем его установления.

Прежде чем перейти к действующему законодательству, вспомним формирование представления о круге лиц, несущих ответственность за посягательства на животный мир.

К. В. Саловаров в исследовании подчёркивает постепенное изменение норм об ответственности за экологические преступления «ввиду времени и окружающей среды». Одновременно «имеются тождественные нормы, имеющие назначением одни и те же объект и предмет преступления, вне зависимости от изменений нормативно-правовых актов» [11, с. 142]. При смене эпох суть охраняемых отношений и круг лиц, способных на них посягнуть, оставались во многом похожими.

Ещё в Русской Правде, одном из самых первых письменных источников права на Руси, предусматривалась ответственность за кражу птиц и бобра. Строго говоря, указанные нормы нельзя считать прямыми предшественниками ст. 258 УК РФ. Объективная сторона такого посягательства сильно отличается от современной незаконной охоты. К. В. Саловаров отмечает возможность назвать указанные нормы «прародителями ответственности за посягательства на объекты животного мира» [11, с. 146]. В них видится первый шаг к формированию представления об общем субъекте подобных преступлений.

Следующим этапом стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Оно устанавливало ответственность за охоту на птиц и зверей в неохотничий сезон либо запрещёнными способами. Уже тогда закон не выделял специальных требований к личности нарушителя. Ответственность распространялась на любого, кто нарушал установленный порядок охоты. Специальный субъект, лицо, использующее служебное положение, появился в законодательстве значительно позже. Его возникновение связано с развитием государственного аппарата управления охотничьим хозяйством и с усложнением технических средств, применявшихся при браконьерстве [11, с. 147].

Современная система признаков субъекта незаконной охоты сложилась в результате постепенного многовекового развития законодательства. Она не стала плодом единовременного решения законодателя XX века.

Согласно ст. 20 УК РФ, уголовная ответственность за большинство преступлений, включая незаконную охоту, наступает с шестнадцати лет. Законодатель избрал именно этот порог. Для ряда тяжких насильственных преступлений установлен возраст четырнадцати лет. Для многих экономических составов установлен возраст восемнадцати лет. Решение объясняется характером незаконной охоты. Деяние не относится к числу тех, общественная опасность которых очевидна для человека с раннего возраста. Представление о вреде, причиняемом дикой природе, формируется постепенно, по мере взросления и социализации личности.

Здесь обнаруживается противоречие. Федеральный закон № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов» предоставляет право на охоту с огнестрельным оружием лишь лицам, достигшим восемнадцати лет. Формально легальная охота со своим оружием доступна только с совершеннолетия. Уголовная ответственность за незаконную охоту наступает уже с шестнадцати лет. На практике подросток шестнадцати-семнадцати лет, лишённый права на легальную охоту, всё же способен оказаться привлечённым к уголовной ответственности при совершении соответствующих действий.

Речь может идти об использовании чужого оружия либо капканов. Несовпадение возрастных порогов, на наш взгляд, заслуживает отдельного научного осмысления. Оно затрагивает вопрос о соразмерности уголовно-правового и административного регулирования одной сферы общественных отношений.

Остальные признаки общего субъекта включают вменяемость. Речь идёт о способности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Ю. В. Попова и А. В. Щербаков, рассматривая субъективные признаки состава незаконной охоты, указывают на совершение указанного преступления исключительно с прямым умыслом. Лицо осознаёт нарушение установленных правил охоты, предвидит наступление вредных последствий для животного мира и желает их наступления. Неосторожное причинение вреда охотничьим ресурсам состав преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, не образует. Случайное попадание в животное при производстве иных законных действий служит иллюстрацией.

Для констатации оконченного состава устанавливаются формальные признаки субъекта и психическое отношение лица к содеянному. На практике указанная задача нередко вызывает трудности у следственных органов.

Наряду с общим субъектом ст. 258 УК РФ предусматривает специальный субъект. Им выступает лицо, совершившее незаконную охоту с использованием своего служебного положения. Признак закреплён в ч. 2 ст. 258 УК РФ и заметно повышает строгость наказания. По ч. 1 максимум составляет два года лишения свободы. По ч. 2 нижняя граница начинается с трёх лет и доходит до пяти. Разница столь существенная неслучайна. Законодатель исходит из повышенной общественной опасности должностного лица, злоупотребляющего положением ради браконьерства. Оно нарушает нормы уголовного закона. Параллельно подрывается доверие, оказанное ему государством или организацией.

Кто же конкретно способен выступать специальным субъектом? Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, использование служебного положения может выражаться в непосредственном применении своих полномочий

либо во влиянии авторитетом занимаемой должности на других лиц. На практике специальным субъектом способны быть государственные и муниципальные служащие, руководители организаций, охотоведы, егеря, инспекторы государственного охотничьего надзора. Речь идёт о лицах, призванных по долгу службы охранять животный мир и использующих своё положение для его истребления. Сам по себе факт работы в охотхозяйстве или надзорном органе квалифицирующего признака ещё не образует.

Доказыванию подлежит облегчение совершения преступления именно должностными полномочиями. Иллюстрациями служат доступ в закрытые угодья, снятие надзорного контроля, выдача разрешения самому себе или своим знакомым.

Здесь возникает закономерный вопрос о дополнительной квалификации по статьям о должностных злоупотреблениях, скажем по ст. 285 или 286 УК РФ. Ответ однозначен. Дополнительная квалификация не нужна. Факт использования служебного положения уже полностью учтён квалифицирующим признаком ч. 2 ст. 258 УК РФ. Дублировать ответственность было бы избыточно. Позиция логично вытекает из общих правил квалификации при конкуренции специальной и общей нормы. В российском уголовном праве конкуренция разрешается в пользу специальной нормы.

Случаи подобного рода, судя по резонансным делам последних лет, попадавшим в поле зрения правоохранительных органов, вовсе не редкость. И. А. Уфимцев, изучая криминологические особенности личности браконьеров, отмечает среди лиц, совершавших незаконную охоту с применением транспортных средств, представителей Государственной Думы, губернаторов субъектов РФ, сотрудников правоохранительных органов, сотрудников судебных органов [12, с. 217].

Приведённые факты наглядно показывают реальность специального субъекта незаконной охоты. Речь идёт не об абстрактной теоретической конструкции. Перед нами распространённая практическая проблема российской правоприменительной системы.

Наглядным материалом для выяснения круга фактических нарушителей ст. 258 УК РФ служит недавнее криминологическое исследование И. А. Уфимцева. Оно основано на статистике 11 региональных подразделений МВД России за 2024 год. Согласно полученным данным, к уголовной ответственности за незаконную охоту с применением транспортного средства было привлечено 157 человек. Среди них 152 мужчины и 5 женщин, 96,8% и 3,2% соответственно [12, с. 215]. Автор объясняет столь заметный гендерный перекос «исторически сложившимися принципами мужской обязанности по добыче пропитания, а в настоящее время — устоявшимся видом мужских увлечений» [12, с. 215].

Возрастная структура выглядит показательно. Наибольшая криминогенная активность приходится на людей от 30 до 49 лет. Таких оказалось 87 человек, или 55,4% от общего числа привлечённых [12, с. 216]. Ни одного случая совершения подобного преступления несовершеннолетним в рамках исследования зафиксировано не было. Наблюдение довольно необычно с точки зрения общей криминологии. Сам автор отмечает обычную фиксацию первого преступления у большинства рецидивистов именно в юношеском возрасте [12, с. 216].

По уровню образования преобладает среднее профессиональное (36,9%) и среднее общее (33,8%). Заметна группа лиц с высшим образованием, почти 16%. Уфимцев отмечает, «в большинстве случаев данные лица обладают большими связями и возможностями, в том числе по сокрытию следов своей преступной деятельности» [12, с. 216].

Данные о мотивации заслуживают упоминания. В большинстве случаев браконьерство совершается из корыстных побуждений (36,9%) либо из иной личной заинтересованности (29,3%). В качестве промысла, основного источника дохода, животные добывались лишь в 3,2% случаев [12, с. 217].

Похожие наблюдения встречаются у А. Е. Афанасьевой. Она обращается к изучению личности типичного субъекта незаконной охоты, отмечая нерешённость целого ряда проблем современности в этой сфере [8, с. 3].

Обобщая приведённые сведения, можно составить усреднённый портрет нарушителя. Им выступает мужчина в возрасте 30–49 лет, гражданин России. Он проживает в том же регионе, где совершено преступление. Имеет среднее профессиональное образование, работает по найму, действует из корыстных побуждений.

Заслуживает рассмотрения вопрос о последствиях фактического совершения незаконной охоты лицом, не достигшим шестнадцати лет. Поскольку уголовная ответственность в указанной ситуации исключена в силу прямого указания ст. 20 УК РФ, возникает закономерный пробел. Как реагировать государству на подобные случаи? На практике применяются административная и гражданско-правовая ответственность. Нередко они возлагаются на законных представителей несовершеннолетнего, обязанных осуществлять надлежащий надзор за своим ребёнком.

Уголовная ответственность не исчерпывает видов юридической ответственности за нарушения в сфере охоты. В научной литературе указывается на предусмотренную в Российской Федерации систему мер воздействия за нарушение правил охоты. В неё входят административная, уголовная, гражданско-правовая ответственность. Они могут применяться параллельно друг с другом. При отсутствии в действиях лица признаков крупного ущерба или иных обстоятельств, перечисленных в ч. 1 ст. 258 УК РФ, применяется ад-

министративная ответственность по ст. 8.37 КоАП РФ. Гражданско-правовая ответственность в виде возмещения вреда охотничьим ресурсам наступает независимо от привлечения лица к уголовному или административному наказанию.

Именно указанное разграничение порождает наибольшее число практических затруднений. Правоприменителю приходится каждый раз заново оценивать достаточность собранных доказательств для квалификации деяния как преступления. Отсюда вытекает более общая проблема. Субъект незаконной охоты установлен формально чётко. Фактическая граница между уголовно наказуемым и административно наказуемым поведением одного и того же лица нередко определяется весьма субъективными критериями. Создаётся почва для неединообразной судебной практики.

Подводя итоги, заключим. Вопрос о субъекте уголовной ответственности за незаконную охоту далеко не так прост, как может показаться на первый взгляд. Общий субъект характеризуется достижением шестнадцатилетнего возраста и вменяемостью. Само правило порождает научную дискуссию из-за несовпадения с более высоким возрастным цензом для легальной охоты. Специальный субъект, лицо, использующее служебное положение, на практике оказывается куда более распространённым явлением, чем можно было бы предположить. Вывод подтверждается криминологическими данными и резонансными делами последних лет.

Дальнейшее совершенствование законодательства, на наш взгляд, связано с устранением противоречий между возрастными порогами уголовной и административной ответственности. Параллельно нужна выработка более чётких критериев отграничения преступления от административного правонарушения.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [http://www.pravo.gov.ru], 04.07.2020.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

[3] Федеральный закон от 24.07.2009 № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2009. – № 30. – Ст. 3735.

[4] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 14.01.2002. – № 2. – Ст. 133.

[5] Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. – 24.04.1995. – № 17. – Ст. 1462.

[6] Постановление Правительства РФ от 10.06.2019 № 750 «Об утверждении такс для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам» (ред. от 26.10.2023) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.2019. – № 24. – Ст. 3110.

[7] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (ред. от 15.12.2022) // Российская газета. – 31.10.2012. – № 251.

[8] Афанасьева, А. Е. Криминалистическая характеристика личности типичного субъекта незаконной охоты: проблемы современности / А. Е. Афанасьева // Альманах лектория Июньские правовые чтения на Енисее. – 2023. – С. 3.

[9] Джунусова, Д. Н. Юридическая ответственность за нарушение законодательства об охоте / Д. Н. Джунусова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 9. – С. 179–182.

[10] Попова, Ю. В. Вопросы субъективных признаков состава преступления «незаконная охота» по российскому праву / Ю. В. Попова, А. В. Щербаков // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 11-1 (110). – С. 413–417.

[11] Саловаров, К. В. Развитие норм законодательства об уголовной ответственности за совершение экологических преступлений / К. В. Саловаров // Вестник науки. – 2025. – Т. 5, № 6 (87). – С. 142–147.

[12] Уфимцев, И. А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего незаконную охоту с применением транспортного средства / И. А. Уфимцев // Судебная экспертиза и исследования. – 2025. – № 4. – С. 213–218.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during a nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information [http://www.pravo.gov.ru], July 4, 2020.

[2] Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996 (as amended on December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – June 17, 1996. – No. 25. – Art. 2954.

[3] Federal Law No. 209-FZ of July 24, 2009, «On Hunting and the Conservation of Hunting Resources and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended on July 31, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – July 27, 2009. – No. 30. – Art. 3735.

[4] Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, «On Environmental Protection» (as amended on

December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – January 14, 2002. – No. 2. – Art. 133.

[5] Federal Law No. 52-FZ of April 24, 1995, «On the Animal World» (as amended on August 8, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. – April 24, 1995. – No. 17. – Art. 1462.

[6] Decree of the Government of the Russian Federation No. 750 dated June 10, 2019, "On Approval of Rates for Calculating the Amount of Damage Caused to Hunting Resources" (as amended on October 26, 2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – June 17, 2019. – No. 24. – Art. 3110.

[7] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 21 dated October 18, 2012, "On the Application by Courts of Legislation Regarding Liability for Violations in the Field of Environmental Protection and Natural Resource Use" (as amended on December 15, 2022) // Rossiyskaya Gazeta. – October 31, 2012. – No. 251.

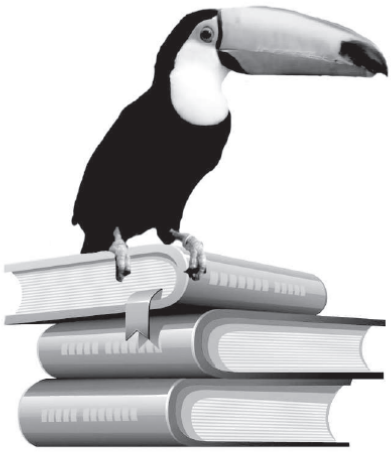
[8] Afanasyeva, A. E. Forensic Characterization of the Personality of a Typical Subject of Illegal Hunting: Contemporary Issues / A. E. Afanasyeva // Almanac of the "June Legal Readings on the Yenisei" Lecture Series. – 2023. – P. 3.

[9] Dzhunusova, D. N. Legal Liability for Violations of Hunting Legislation / D. N. Dzhunusova // Agrarian and Land Law. – 2025. – No. 9. – Pp. 179–182.

[10] Popova, Yu. V., & Shcherbakov, A. V. Issues Concerning the Subjective Elements of the Offense of "Illegal Hunting" under Russian Law / Yu. V. Popova, A. V. Shcherbakov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 11-1 (110). – Pp. 413–417.

[11] Salovarov, K. V. Development of Legal Norms Regarding Criminal Liability for Environmental Crimes / K. V. Salovarov // Vestnik Nauki (Bulletin of Science). – 2025. – Vol. 5, No. 6 (87). – pp. 142–147.

[12] Ufimtsev, I. A. Criminological Profile of an Offender Who Engages in Illegal Hunting Using a Vehicle / I. A. Ufimtsev // Forensic Expertise and Research. – 2025. – No. 4. – pp. 213–218.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-50-57

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования, профессор кафедры
гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя; профессор кафедры частного права
Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется становление алгоритмического государства как новой стадии цифровой трансформации публичной власти. Автор исходит из того, что цифровизация уже не ограничивается электронными услугами и межведомственным документооборотом, а затрагивает базовые категории теории государства и права: государственный механизм, публичную власть, легитимность, правовое государство, юридическую ответственность, правоприменение и взаимодействие государства с гражданским обществом. Предлагается разграничивать электронное, цифровое и алгоритмическое государство. Доказывается, что алгоритм может быть только инструментом правового государства, но не самостоятельным источником публично-властного решения. Сформулированы принципы правового сдерживания алгоритмического управления: нормативная определенность, человеческий контроль, объяснимость, проверяемость, ответственность публичного субъекта, недискриминация, судебная оспоримость и гражданско-общественный мониторинг.

Ключевые слова: теория государства и права, алгоритмическое государство, цифровое государство, публичная власть, правовое государство, гражданское общество, искусственный интеллект.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Economics, Professor,
Honorary Worker of Education of the Russian Federation, laureate of the Government
of the Russian Federation in the field of education, Professor of the
Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure of the V.Ya. Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Professor of the Department of Private Law
of the State University of Management

THE LIMITS OF DIGITALIZATION OF PUBLIC AUTHORITY: A THEORETICAL LEGAL ANALYSIS

Annotation. The article examines the emergence of the algorithmic state as a new stage in the digital transformation of public authority. It is argued that digitalization affects the fundamental categories of general theory of state and law: the mechanism of the state, legitimacy, rule of law, legal responsibility and interaction between the state and civil society. The article distinguishes between the electronic, digital and algorithmic state and concludes that an algorithm may serve as an instrument of the rule-of-law state, but cannot become an autonomous source of public power.

Key words: theory of state and law, algorithmic state, digital state, public authority, rule of law, civil society.

Теория государства и права традиционно рассматривает государство как особую политико-правовую организацию публичной власти, обладающую суверенитетом, территорией, аппаратом управления, системой общеобязательных норм и способностью обеспечивать их реализацию. В такой классической конструкции центральными являются вопросы происхождения государства, его функций, формы, механизма, легитимности, правовой связанности власти и соотношения государства с личностью и обществом. Однако в XXI в. эта категориальная система сталкивается с новым вызовом: публичная власть все чаще осуществляется не только через

волю должностного лица и юридическую процедуру, но и через цифровые платформы, реестры, базы данных, риск-модели, автоматизированные информационные системы и инструменты искусственного интеллекта. [1-2]

Важно понимать, что цифровизация государства перестала быть вспомогательной технической реформой. Если электронное государство прежде всего ускоряло коммуникацию гражданина с органом власти, то алгоритмическое государство претендует на участие в самой логике публично-властного решения: оно помогает выявлять риски, классифицировать поведение, определять приоритеты контроля, рассчитывать меры поддержки, формировать проекты актов и иногда фактически предопределять итоговое решение. Поэтому перед теорией государства и права возникает принципиальный вопрос: сохраняется ли прежнее понимание государства как юридически ответственного субъекта публичной власти, если значительная часть управленческой рациональности переносится в алгоритмы?

Российская правовая система уже содержит нормативные предпосылки для постановки данного вопроса. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. закрепляет курс на развитие и применение технологий искусственного интеллекта; законодательство об экспериментальных правовых режимах создает формы апробации цифровых инноваций; концептуальные акты в сфере регулирования искусственного интеллекта и робототехники рассматривают цифровые технологии как управленческий и экономико-правовой ресурс. [3-5] Эти процессы требуют не только отраслевого, но и общетеоретического осмысления.

Особое значение имеет связь цифровой трансформации публичной власти с проблемой гражданского общества. Л.Ю. Грудцына последовательно обосновывала, что гражданское общество нельзя понимать как полностью внешнюю по отношению к государству сферу: его институты существуют в сложной системе публично-правовых и частноправовых связей, нуждаются в гарантиях, организационных условиях и формах взаимодействия с публичной властью. [6] Для теории алгоритмического государства этот тезис имеет методологическое значение: чем выше степень автоматизации управления, тем более необходимы общественный контроль, адвокатская защита, научная экспертиза и судебная проверка. [7]

В современной теории государства и права целесообразно различать три уровня цифровой трансформации публичной власти: электронное государство, цифровое государство и алгоритмическое государство. Электронное государство - это модель, в которой информационные технологии используются преимущественно как канал коммуникации: заявление подается дистанционно, документы направляются в электронной форме, результат услуги предоставляется через портал или личный кабинет. Сущность властного решения при этом может оставаться традиционной.

Цифровое государство является более сложной стадией. Оно предполагает интеграцию государственных данных, межведомственный обмен, платформизацию управления, создание реестров и информационных систем, переход от ведомственной логики к логике жизненных ситуаций гражданина. На этом уровне данные становятся самостоятельным ресурсом публичной власти. Государство начинает видеть общество через цифровые следы, показатели, профили и массивы информации. [8]

Алгоритмическое государство возникает тогда, когда цифровая инфраструктура начинает не только хранить и передавать сведения, но и участвовать в их оценке, классификации, прогнозировании и управленческом выборе. Алгоритм становится посредником между фактом и решением: он может рекомендовать меру реагирования, выявлять риск, рассчитывать вероятность нарушения, формировать проект акта или распределять государственный ресурс. Именно здесь появляется качественно новая проблема: юридически решение остается актом органа власти, но его фактическая логика частично создается машинной системой. Данное разграничение важно потому, что юридические риски разных стадий цифровизации различны. Электронная подача заявления требует надежной идентификации и защиты персональных данных. Цифровая интеграция реестров требует достоверности данных и правил межведомственного обмена. Алгоритмическое решение требует уже иных гарантий: объяснимости, проверяемости, сохранения человеческого контроля, недискриминации, возможности судебного оспаривания логики расчета и перераспределения бремени доказывания. Л.Ю. Грудцына в исследовании государственно-правового механизма формирования и поддержки институтов гражданского общества показала, что развитие гражданского общества зависит не только от саморегуляции социальных институтов, но и от правовых, организационных и материальных условий, создаваемых государством. [9] В цифровую эпоху этот тезис получает дополнительное значение: государство должно создавать не только цифровую инфраструктуру управления, но и инфраструктуру общественного контроля за ней. [10]

Механизм государства в классическом понимании включает органы, учреждения, должностных лиц, компетенцию, процедуры, материальные средства и формы деятельности. В цифровой среде к этим элементам фактически добавляется инфраструктурный компонент: государственные информационные системы, платформы, реестры, программные интерфейсы, алгоритмические модели и системы идентификации. Юридически они не обладают статусом органа власти, но функционально участвуют в осуществлении пу-

бличной власти. Это обстоятельство требует расширения традиционного представления о государственном механизме.

Следует различать три режима использования алгоритмов в публичном управлении. Первый - информационно-справочный, когда система лишь помогает искать сведения и проверять формальные условия. Второй - рекомендательный, когда алгоритм предлагает вариант решения, но должностное лицо сохраняет реальную возможность отклонить рекомендацию и мотивировать иной итог. Третий - детерминирующий, когда алгоритм фактически определяет юридический результат, а человек только формально подтверждает его. Именно третий режим наиболее опасен, поскольку создает иллюзию человеческого контроля при фактическом переносе властного усмотрения в техническую систему.

Теория государства и права должна исходить из презумпции ответственности публичного субъекта за любой алгоритмически подготовленный результат. Орган власти не вправе ссылаться на алгоритм как на самостоятельную причину решения. Алгоритм не может быть «третьим субъектом» между государством и гражданином, освобождающим государство от обязанности объяснить, доказать и обосновать вмешательство в права. Если решение принято с использованием цифровой модели, именно орган публичной власти должен доказать законность данных, правомерность модели, соответствие результата целям закона и возможность его проверки.

В исследованиях Л.Ю. Грудцыной институты гражданского общества рассматриваются как участники баланса публичного и частного начал, а не как декоративное приложение к государству. [11] В условиях цифровизации эта идея приобретает новый смысл: общественные объединения, адвокатура, нотариат, научные и экспертные сообщества могут выполнять функцию внешнего контроля за тем, чтобы цифровая инфраструктура не превратилась в автономный центр публичной власти.

Правовое государство предполагает верховенство права, связанность публичной власти законом, судебную защиту, признание и гарантирование прав человека, юридическую определенность, пропорциональность и запрет произвола. Алгоритмическое управление может быть совместимо с этими принципами только при условии, что алгоритм включается в правовую форму, а не заменяет ее. Машинная рациональность отличается от юридической: алгоритм оптимизирует заданные параметры, а право оценивает легитимность цели, допустимость средства, справедливость процедуры и защиту достоинства личности.

Опасность алгоритмического государства заключается в соблазне подменить юридическое рассуждение статистическим выводом. Если модель показывает высокий риск нарушения, это еще не означает наличия юридического факта. Если система относит гражданина к группе риска, это не означает виновности. Если автоматизированная проверка выявляет несоответствие данных, это не всегда свидетельствует о недобросовестности. Право работает с доказательствами, презумпциями, бременем доказывания, мотивировкой и возможностью опровержения; алгоритм работает с корреляциями, вероятностями и технически заданными критериями.

Следовательно, алгоритмическая рациональность должна быть подчинена юридической рациональности. Это означает, что применение алгоритма допустимо лишь при наличии нормативного основания, в пределах компетенции органа, с легитимной целью, при сохранении человеческого контроля, возможности объяснения результата и индивидуального рассмотрения дела. Правовое государство не может согласиться с ситуацией, когда гражданин проигрывает спор потому, что «так рассчитала система», а суд и орган власти не способны проверить основания такого расчета.

Особенно важна проблема мотивированности. Традиционное мотивированное решение содержит установленные факты, примененные нормы, аргументы правовой квалификации и вывод. В алгоритмической среде мотивировка не может быть сведена к сообщению о результате автоматизированной обработки. Она должна объяснять, какие данные использованы, почему они признаны достоверными, какие критерии применены, как обеспечивалась возможность исправления ошибки, каким образом человек проверил результат и почему было принято именно такое решение. Л.Ю. Грудцына в работах о гражданском обществе и государстве подчеркивала значение правовых форм взаимодействия общества и власти. [12] Для алгоритмического государства это означает, что критерии цифровых решений не могут формироваться исключительно внутри исполнительной бюрократии или технологического подрядчика. Там, где алгоритм затрагивает социальные права, контроль, налогообложение, доступ к публичным услугам или юридическую помощь, требуется публичная экспертиза с участием профессиональных сообществ.

Легитимность государственной власти связана с признанием ее обществом, процедурной законностью, ценностной приемлемостью и способностью обеспечивать справедливый порядок. Алгоритмическое управление добавляет к этой конструкции новый элемент: доверие к публичной власти начинает зависеть не только от законности органа и содержания решения, но и от доверия к цифровой инфраструктуре. Если гражданин не понимает, как система получила данные и почему сделала определенный вывод, уровень доверия снижается даже при формальной законности процедуры.

Можно выделить три измерения легитимности алгоритмического управления. Нормативная

легитимность означает наличие правового основания для применения алгоритма. Процедурная легитимность предполагает соблюдение правил доступа к данным, уведомления, проверки, оспаривания и человеческого контроля. Эпистемическая легитимность связана с качеством знания, которое производит алгоритм: достоверностью данных, корректностью модели, отсутствием дискриминационных перекосов и пригодностью статистического вывода для конкретной юридической задачи.

Последний аспект особенно значим. В традиционном правоприменении вопрос знания выражается через доказательства и оценку фактов. В алгоритмической системе знание производится моделью, которая может включать ошибки исходных данных, исторические предубеждения, неполные выборки и неявные корреляции. Поэтому легитимность алгоритмического решения невозможна без технико-правовой экспертизы, аудита, оценки воздействия на права человека и публичной отчетности. [13]

Алгоритмическое управление меняет и проблему суверенитета. Если критически значимые государственные функции зависят от внешних платформ, закрытых программных решений, иностранных компонентов или непрозрачных моделей, возникает вопрос цифрового суверенитета. Но цифровой суверенитет не должен пониматься только как технологическая независимость. В теоретико-правовом смысле он означает способность государства самостоятельно определять правовые условия использования цифровых систем, контролировать публично значимые данные и гарантировать защиту прав личности в цифровой среде.

В работах Л.Ю. Грудцыной о политических партиях, гражданском обществе и государстве раскрыта роль общественных институтов как посредников между публичной властью и обществом. [14] В алгоритмическую эпоху такая посредническая функция усложняется: гражданское общество должно переводить технологически сложные вопросы цифрового управления на язык публичного контроля и правовой ответственности.

Административное усмотрение является неизбежным элементом публичного управления. Закон не способен заранее описать все жизненные ситуации, поэтому должностное лицо в пределах компетенции оценивает обстоятельства, выбирает меру реагирования и учитывает публичный интерес. Алгоритмизация меняет форму усмотрения: часть оценочных операций переводится в заранее заданные параметры, а часть решений становится результатом автоматизированной классификации.

На первый взгляд это снижает субъективизм и коррупционные риски. Однако полное устранение человеческого усмотрения не всегда соответствует праву. Право нуждается не только в формальной одинаковости, но и в справедливом различении различных ситуаций. Механическое равенство может оказаться несправедливым, если оно игнорирует значимые индивидуальные обстоятельства. Поэтому задача правового государства состоит не в ликвидации усмотрения, а в его правовом структурировании.

Алгоритмическое усмотрение опасно тем, что выглядит объективным: оно выражено в баллах, рейтингах, категориях риска и числовых показателях. Но каждая модель содержит человеческие решения: какие данные учитывать, какие веса присвоить факторам, какую цель оптимизировать, какие ошибки считать допустимыми. Поэтому объективность алгоритма не является исходным свойством; она должна подтверждаться правовой и технической проверкой. [15]

В правоприменении следует различать алгоритмическую помощь и алгоритмическую подмену. Помощь допустима, когда система облегчает поиск информации и предупреждает о рисках, но не лишает должностное лицо обязанности самостоятельно оценить дело. Подмена возникает тогда, когда должностное лицо превращается в оператора подтверждения автоматически сформированного результата. Такая модель противоречит идее публичной службы как ответственного осуществления компетенции. [16]

Экспериментальные правовые режимы могут рассматриваться как форма правового обучения государства. Но эксперимент не должен превращаться в зону пониженных гарантий. Напротив, при апробации цифровых решений должны быть усилены требования к информированию участников, оценке рисков, независимому мониторингу, фиксации результатов и прекращению эксперимента при выявлении угроз правам граждан. [4] Л.Ю. Грудцына справедливо указывала, что государственно-правовой механизм поддержки гражданского общества включает не только нормы, но и организационные, материальные и институциональные элементы. [17] Применительно к цифровому управлению это означает необходимость реальной инфраструктуры гарантий: процедур обжалования, независимой экспертизы алгоритмов, публичных отчетов, адвокатской помощи и правозащитного сопровождения цифровых споров. [18]

Одна из наиболее острых проблем алгоритмического государства - ответственность за вред, причиненный автоматизированным или алгоритмически подготовленным публичным решением. В традиционной модели гражданин оспаривает акт, действие или бездействие органа власти. В цифровой модели причинная цепочка усложняется: ошибку может породить неверная исходная запись, сбой межведомственного обмена, некорректный алгоритм, неправильная настройка параметров, отсутствие обновления данных или формальное подтверждение результата должностным лицом.

Теоретически можно выделить несколько уровней ответственности: политико-правовую ответственность государства за выбор цифровой модели управления; административную ответственность органа за организацию процедуры; дисциплинарную ответственность должностного лица; гражданско-правовую ответственность за вред; ответственность оператора информационной системы; ответственность разработчика или поставщика цифрового решения; ответственность за нарушение режима персональных данных и информационной безопасности. Однако для гражданина это распределение не должно означать неопределенность адресата защиты.

Принцип «государство отвечает за свой алгоритм» должен стать базовым для теории алгоритмического управления. Если орган публичной власти внедряет цифровую систему, он принимает на себя обязанность обеспечить ее законность, безопасность, корректность и проверяемость. Нельзя перекладывать неблагоприятные последствия на гражданина под предлогом технического характера ошибки. Тем более недопустимо требовать от гражданина самостоятельного доказывания ошибочности закрытой модели, к данным и логике которой он не имеет доступа.

Проблема бремени доказывания в цифровых спорах требует специального решения. Если гражданин оспаривает алгоритмически подготовленный акт, орган власти должен раскрыть достаточный объем информации для проверки законности: источник данных, примененный критерий, нормативное основание, факт человеческой проверки и порядок исправления ошибки. Закрытость алгоритма по мотивам безопасности может ограничивать раскрытие кода, но не должна уничтожать право на защиту. В этом контексте возрастает значение адвокатуры и иных институтов квалифицированной юридической помощи. Л.Ю. Грудцына исследовала адвокатуру и нотариат как институты гражданского общества, обеспечивающие правовую защиту и взаимодействие личности с публичной властью. [19] В алгоритмическую эпоху эта роль усиливается: гражданину нужна помощь в понимании цифрового решения, запросе информации, назначении экспертизы, формулировании доводов и доказывании нарушения.

Одним из ключевых рисков алгоритмического государства является усиление бюрократии под видом нейтральной эффективности. Цифровая система может казаться объективной, но фактически она способна закреплять ведомственные интересы, расширять контроль, снижать пространство автономии и превращать сложную социальную реальность в набор управляемых показателей. Поэтому гражданское общество в цифровую эпоху должно рассматриваться как необходимый противовес алгоритмической бюрократии. [20]

Гражданское общество выполняет несколько функций в отношении алгоритмического государства. Во-первых, оно формулирует общественный запрос на пределы цифрового контроля. Не все, что технически возможно, должно быть юридически допустимо. Во-вторых, оно обеспечивает независимую экспертизу цифровых решений. В-третьих, оно выявляет системные ошибки, которые отдельный гражданин может не заметить или не суметь доказать. В-четвертых, оно переводит технологические проблемы в язык публичной политики и правовой реформы.

Теория государства и права должна отказаться от представления о цифровизации как внутренней компетенции исполнительной власти. Если алгоритм влияет на права и обязанности граждан, его внедрение должно быть предметом публичной правовой политики: парламентского контроля, научной экспертизы, профессионального обсуждения и общественного мониторинга. Иначе цифровизация может привести к формированию «невидимого административного права», где реальные правила взаимодействия государства и гражданина задаются не законом, а настройками информационной системы.

Например, Л.Ю. Грудцына обоснованно рассматривала гражданское общество как систему институтов, включающих общественные объединения, профессиональные юридические сообщества, политические партии, фонды, движения и иные формы социальной самоорганизации. [21] Такой широкий подход особенно важен для цифровой эпохи: контроль за алгоритмическим государством не может быть возложен только на один институт; он должен быть распределен между судом, адвокатурой, научным сообществом, общественными палатами, экспертными центрами и гражданскими инициативами. [22]

Пределы цифровизации публичной власти должны определяться не технической возможностью, а природой правового государства. Первый принцип - нормативная определенность алгоритмического вмешательства. Любое использование алгоритма, существенно влияющее на права или обязанности лица, должно иметь правовое основание. Внутреннего регламента или технического задания недостаточно, если результат затрагивает публично-правовой статус гражданина. [23]

Второй принцип - человеческий контроль. Властное решение, затрагивающее права человека, не должно полностью выводиться из-под ответственности человека. Контроль должен быть содержательным: должностное лицо обязано иметь возможность проверить данные, отклонить алгоритмическую рекомендацию, учесть индивидуальные обстоятельства и мотивировать решение. Формальное подтверждение результата не является человеческим контролем.

Третий принцип - объяснимость и проверяемость. Гражданин и суд должны иметь возможность понять юридически значимую логику решения. Объяснимость предполагает описание критериев, данных, нормативных оснований,

причин результата и способов исправления ошибки. Проверяемость требует журналирования решений, хранения версий алгоритма, протоколов обработки и экспертных процедур.

Четвертый принцип - презумпция ответственности публичного субъекта. Орган власти не вправе ссылаться на алгоритм как на самостоятельного виновника нарушения. Пятый принцип - недопустимость цифровой дискриминации. Формально нейтральный критерий может ухудшать положение определенных социальных групп, территорий или лиц с низким уровнем цифровой доступности. Шестой принцип - сохранение альтернативного канала взаимодействия с государством, поскольку цифровизация не должна превращаться в барьер доступа к праву. [24]

Седьмой принцип - гражданско-общественный мониторинг. Алгоритмически значимые системы должны быть открыты для научной, экспертной и общественной оценки в пределах, совместимых с безопасностью и защитой данных. С учетом работ Л.Ю. Грудцыной о государстве, гражданском обществе и механизмах их взаимодействия можно утверждать, что цифровая трансформация публичной власти требует не сужения, а расширения пространства институционального участия общества. [25]

Алгоритмическое государство представляет собой не самостоятельный исторический тип государства, а новую технологико-правовую форму осуществления публичной власти, при которой алгоритмические системы участвуют в оценке данных, прогнозировании, классификации и подготовке властных решений. Эта форма требует обновления категориального аппарата общей теории государства и права: наряду с традиционными понятиями механизма государства, функций, правоприменения и ответственности необходимо учитывать цифровую инфраструктуру, алгоритмическую процедуру, машиночитаемость права и распределенное цифровое решение.

Основными рисками алгоритмического государства являются непрозрачность, размывание ответственности, скрытое нормотворчество кода, цифровая дискриминация, технократическое сужение административного усмотрения и ослабление институтов гражданского общества. Эти риски не являются аргументом против цифровизации, но требуют ее правового сдерживания. Будущее государства не в замене права алгоритмом, а в создании такой модели цифровой публичной власти, при которой алгоритм остается инструментом закона, должностное лицо - ответственным субъектом решения, суд - реальным механизмом проверки, а гражданин - носителем достоинства, свободы и прав. [26]

Список литературы:

[1] Ромашов Р.А. Цифровое государство (digital state) - новый тип государства? // История государства и права. 2017. № 16. С. 3-8.

[2] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. № 4. P. 505-523.

[3] Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

[4] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/

[5] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 августа 2020 г. № 2129-р. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/

[6] Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и частное право // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4. С. 69-79.

[7] Грудцына Л. Ю. Прецедентное право в российской судебной практике // Судебная власть. 2026. № 1 (январь–март). С. 51–59.

[8] Булаков О. Н. Государственная защита прав и свобод как конституционный принцип прав и свобод // Образование и право. — 2026. — № 7. — С. 89–96.

[9] Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. 407 с.

[10] Гребенников В. В., Грудцына Л. Ю. Современные подходы к типологии правовых систем и роль судов в системе органов государственной власти // Образование и право. 2016. № 9. С. 23–31.

[11] Грудцына Л.Ю. Институты гражданского общества в системе частноправовых и публично-правовых отношений // Образование и право. 2014. № 3(55)-4(56). С. 88-97.

[12] Грудцына Л.Ю. Правовая природа и формы взаимодействия гражданского общества и государства // Законодательство и экономика. 2007. № 11. С. 23-30.

[13] Соломонова М.А. Проблемы обеспечения неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве России // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 44–48.

[14] Грудцына Л.Ю. Политические партии, гражданское общество и государство // Законодательство и экономика. 2007. № 10. С. 5-13.

[15] Цичоева Ф.А. Особенности доступности правосудия для уязвимых групп населения // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 120–122.

[16] Лукьянов Д.В. Правоприменительная практика использования судебных экспертиз в налоговых спорах: комплексный анализ тенденций и проблем // Юридическая наука и практи-

ка. 2025. № 4. С. 72–76.

[17] Грудцына Л.Ю. Государственно-правовые механизмы формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: монография / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Манускрипт, 2008. 22 п.л.

[18] Османов М.М., Морозов Н.А., Досакаев А.Б. К вопросу о некоторых особенностях проверки и оценки показаний обвиняемого и подозреваемого в уголовном судопроизводстве // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 140–142.

[19] Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России: монография / под ред. Н.А. Михалевой. М.: Деловой двор, 2008. 352 с.

[20] Жукова А.И. К вопросу о некоторых проблемах реализации института групповых исков в гражданском судопроизводстве // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 147–150.

[21] Грудцына Л.Ю. Содержание и классификация институтов гражданского общества в России // Современное право. 2007. № 12-1. С. 21-28.

[22] Изаксон Р.А. Постановления Пленума Верховного Суда: правовая природа и юридическая сила // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 150–153.

[23] Виноградова Е.В. Суд присяжных. Российский формат // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 19–22.

[24] Заиченко Я.И., Джура В.В. Интернет-ссылки и скриншот переписки как юридический факт и допустимое доказательство в условиях становления и развития цифровизации правосудия // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 144–149.

[25] Грудцына Л.Ю., Петров С.М. Государство и гражданское общество: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. 233 с.

[26] Труфанова А.Ю., Балашов К.Г., Масуфранова Е.А. Роль Конституционного Суда в защите прав и свобод человека и гражданина: особенности судов в разных странах (на примере Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Германии, Канады) // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 85–89.

References:

[1] Romashov R.A. The Digital State: A New Type of State? // History of State and Law. 2017. No. 16. pp. 3–8.

[2] Yeung K. Algorithmic Regulation: A Critical Interrogation // Regulation & Governance. 2018. Vol. 12. No. 4. pp. 505–523.

[3] Decree of the President of the Russian Federation No. 490 of October 10, 2019, «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/

[4] Federal Law No. 258-FZ of July 31, 2020, «On Experimental Legal Regimes in the Sphere of Digital Innovations in the Russian Federation.» // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/

[5] Directive of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of August 19, 2020. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/

[6] Grudtsyna L.Yu. Civil Society and Private Law // International Academic Journal of the Russian Academy of Natural Sciences. 2013. No. 4. pp. 69–79.

[7] Grudtsyna L.Yu. Precedent-Based Law in Russian Judicial Practice // Judicial Power. 2026. No. 1 (January–March). pp. 51–59. [8] Bulakov O. N. State Protection of Rights and Freedoms as a Constitutional Principle // Education and Law. — 2026. — No. 7. — pp. 89–96.

[9] Grudtsyna L. Yu. The State-Legal Mechanism for the Formation and Support of Civil Society Institutions in Russia: Doctoral Dissertation in Law. Moscow, 2009. 407 p.

[10] Grebennikov V. V., Grudtsyna L. Yu. Modern Approaches to the Typology of Legal Systems and the Role of Courts within the System of State Authorities // Education and Law. 2016. No. 9. pp. 23–31.

[11] Grudtsyna L. Yu. Civil Society Institutions within the System of Private-Law and Public-Law Relations // Education and Law. 2014. No. 3(55)–4(56). pp. 88–97.

[12] Grudtsyna L. Yu. The Legal Nature and Forms of Interaction Between Civil Society and the State // Legislation and Economics. 2007. No. 11. pp. 23–30.

[13] Solomonova M. A. Issues Regarding the Guarantee of the Inviolability of the Home in Russian Criminal Proceedings // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. pp. 44–48.

[14] Grudtsyna L. Yu. Political Parties, Civil Society, and the State // Legislation and Economics. 2007. No. 10. pp. 5–13.

[15] Tsichoyeva F. A. Specifics of Access to Justice for Vulnerable Population Groups // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 120–122.

[16] Lukyanov D.V. Law-enforcement practice regarding the use of forensic expert examinations in tax disputes: a comprehensive analysis of trends and issues // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. pp. 72–76.

[17] Grudtsyna L.Yu. State-legal mechanisms for the formation and support of civil society institutions in Russia: a monograph / ed. by N.A. Mikhaleva. Moscow: Manuskript, 2008. 22 printer's sheets.

[18] Osmanov M.M., Morozov N.A., Dosakaev A.B. On certain aspects of verifying and evaluating the testimony of an accused or a suspect in criminal proceedings // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 140–142.

[19] Grudtsyna L.Yu. The Bar, the Notariat, and other civil society institutions in Russia: a monograph / ed. by N.A. Mikhaleva. Moscow: Delovoy Dvor,

2008. 352 p.

[20] Zhukova A.I. On certain issues regarding the implementation of the class action mechanism in civil proceedings // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. pp. 147–150.

[21] Grudtsyna L.Yu. Content and classification of civil society institutions in Russia // Modern Law. 2007. No. 12-1. pp. 21–28.

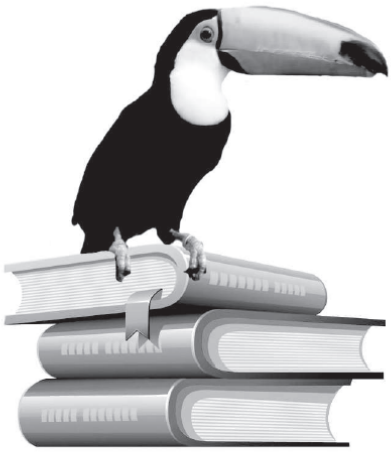
[22] Izakson R.A. Resolutions of the Plenum of the Supreme Court: Legal Nature and Legal Force // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 150–153.

[23] Vinogradova E.V. Trial by Jury: The Russian Format // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 19–22.

[24] Zaichenko Ya.I., Dzhura V.V. Internet Links and Screenshots of Correspondence as Legal Facts and Admissible Evidence in the Context of the Emergence and Development of the Digitalization of Justice // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 144–149.

[25] Grudtsyna L.Yu., Petrov S.M. The State and Civil Society: A Monograph. Moscow: YURKOMPANI, 2010. 233 p.

[26] Trufanova A.Yu., Balashov K.G., Masufranova E.A. The Role of the Constitutional Court in Protecting Human and Civil Rights and Freedoms: Specifics of Such Courts in Various Countries (Case Studies of the Russian Federation, the United States of America, Germany, and Canada) // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. pp. 85–89.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

РЕЦЕНЗИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 07.10.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 09.11.2026 г.
DOI: 10.24412/3033-7550-2026-3-58-60

МИХАЙЛОВА Наталья Владимировна,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ,
профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
e-mail: net-46@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ
на коллективную монографию «Развитие российского права в 1940-е годы» под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С.А. Боголюбова и доктора юридических наук, профессора Д.А. Пашенцева

Аннотация. Статья представляет собой рецензию, в которой раскрывается содержание монографии, посвященной историко-правовому исследованию развития российского права в 1940-е годы. Подчеркивается комплексность подхода, предпринятого авторами монографии, которые подвергают исследованию не только хорошо известные страницы правовой истории рассматриваемого периода, но и раскрывают менее изученные проблемы, например, развитие природоресурсного и образовательного законодательства. В рецензии отмечен высокий уровень монографии, возможность использовать ее в научной работе и в учебном процессе.

Ключевые слова: российское право, Великая Отечественная война; отрасли права; система законодательства; послевоенное право.

MIKHAYLOVA Natalia Vladimirovna,
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Higher School of the Russian Federation,
Professor of the Department of History of State and Law
of the Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot

REVIEW
of the collective monograph “Development of Russian Law in the 1940s” under the general editorship of Doctor of Law, Professor S.A. Bogolyubov and Doctor of Law, Professor D.A. Pashentsev

Annotation. This article is a review that reveals the content of the monograph devoted to a historical and legal study of the development of Russian law in the 1940s. It emphasizes the comprehensiveness of the approach undertaken by the authors of the monograph, who examine not only well-known pages of the legal history of the period in question but also reveal less-studied problems, for example, the development of natural-resource and educational legislation. The review notes the high level of the monograph and the possibility of using it in scholarly work and in the educational process.

Key words: Russian law, the Great Patriotic War; branches of law; system of legislation; post-war law.

Выпущенное в 2025 году московским книгопечатным холдингом академической литературы «ИНФРА-М» в свет упомянутое в заголовке рецензии научное произведение историко-правового содержания [2] стало очередным в серии аналогичных сочинений, посвященных определенным этапам, как независимого существования России, так и событиям, связанным с ее нахождением в составе Советского Союза. Напомним, что ранее были изданы работы, в которых последовательно анализировалось происходившее в России и в российском праве в период революционного лихолетья 1917 года, гражданской войны, в 1920-х и 1930-х годах, а также во времена новой экономической политики [1; 3; 4].

Значение и ценность этих исследовательских трудов заключаются в том, что авторы предоставляют читателю возможность ознакомиться с закономерностями и метаморфозами формирования отечественной правовой системы и законодательства на фоне общеизвестных исторических фактов. Более того, во всех перечисленных монографиях изложены итоги изучения влияния разнохарактерных исторических событий

на способы, методы и специфику российского правотворчества, правоустанавливающей, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Во всех монографиях история и право взаимоувязаны и взаимозависимы, что демонстрирует динамику прогресса российской государственности и с исторической, и с правовой точек зрения одновременно.

Что касается рецензируемой монографии, то в ней авторы использовали тот же прием, что и в предыдущих публикациях: детерминация обусловленности принятия правовых решений, имплементации новых нормативных положений или прекращения ранее действовавших в зависимости от конкретной стадии эволюции российского суверенитета, объективированной сложившейся на тот момент исторической обстановкой.

В монографии о 1940-х годах рассмотрены исторические, экономические, финансовые и политические импульсы совершенствования российского права и системы законодательства в целом, а также выявлены тенденции их дальнейшего совершенствования в указанное десятилетие. Кроме того, обозначены вехи в процессе повышения степени эффективности и востребованности регуляторных функций правовых норм, институтов и принципов таких отраслей, как конституционное, финансовое, гражданское, уголовное, уголовно - исполнительное, административное, земельное, природоресурсное, градостроительное и социальное право (последнее представлено законодательством о культуре, образовании и науке). Особое внимание уделено правовому регулированию международных отношений с участием Советского Союза и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в его составе в непосредственно предшествующее началу Великой Отечественной войны время, в ходе ее и после победоносного завершения противостояния нашей Родины объединенным вооруженным силам ее врагов, в основном, европейских государств гитлеровской коалиции.

Заслугой авторов монографии, безусловно, является то, что ими исследованы правовые особенности применения норм, институтов, отраслей и принципов российского и советского права именно в условиях военного времени, которое порождало уникальную правовую среду, допускавшую возможность ограничения прав и свобод человека в пространстве, во времени и по кругу лиц и трансформацию содержания большинства функционировавших до войны нормативных положений во имя удовлетворения высших общественных и государственных интересов. Отдельным предметом исследования стало так называемое чрезвычайное законодательство, действовавшее в первые месяцы Великой Отечественной войны, его источники, многие из которых носили секретный характер, субъекты и объекты.

Учитывая уникальный правовой статус столицы Советского Союза и России, авторы монографии посвятили изучению нормативных документов, адресованных непосредственно этому городу и регулированию отношений, возникавших в связи с переводом города Москвы на осадное положение в связи с чрезвычайно опасным для его дальнейшего существования приближением к ней на расстояние прямой видимости передовых подразделений группы армий «Центр» германского Вермахта.

Изложенное выше свидетельствует о работе авторов рецензируемой рукописи с широким кругом источников научной информации, посвященной предмету исследования. Анализируются редко упоминаемые нормативные правовые акты. Монография изобилует ссылками на работы ученых, демонстрирующих состояние отечественной правовой научной доктрины той эпохи, которая, несмотря на экстраординарность положения в стране, продолжала снабжать государственный аппарат и всех заинтересованных лиц идеями о необходимости сохранения и необратимости правосудия, справедливости, морали и нравственности, как основ существования человека и созданного им государства.

Что касается послевоенного периода, в монографии скрупулезно анализируется правовой обеспечение перестройки государственного аппарата, борьбы с голодом, засухой и иными вредными последствиями германского вторжения.

Глава, посвященная внешней политике Советского Союза и России в его составе, содержит информацию о попытках предотвратить мировую войну посредством использования потенциала международного права, об отношениях с союзниками во время войны и о роли и значении нашей страны в послевоенном мироустройстве, ее участии в учреждении Организации Объединенных Наций, подготовке и проведении Нюрнбергского Трибунала.

Еще одним и, пожалуй, главным достижением авторского коллектива представленной монографии стало исследование работы, осуществленной в Советском Союзе и в Российской Федерации в самом начале и во второй половине 1940-х годов в целях систематизации законодательства. В посвященном этому соответствующем разделе монографии последовательно излагается материал, насыщенный примерами успешной кодификационной и иных видов деятельности (консолидации, инкорпорации) по приведению нормативного правового массива актов и других регулирующих документов в требуемый для основ законодательства порядок. При этом перечисляются разноплановые отрасли права, источники которых подлежали систематизации, что свидетельствует о кропотливом подходе творческого коллектива к изучению этой проблематики и для подготовки аналитических материалов, опубликованных в рецензируемом издании. Перед читателем предстает крупномасштабная картина титанического труда советских и российских правоведов по раз-

витию и совершенствованию отраслевого законодательства и правовой системы нового социалистического типа, в целом. Это подтверждает ее жизнеспособность и социальную направленность, несмотря на попытки противников советского строя оклеветать социалистическое право, характеризуя его исключительно и только как авторитарное. Монография успешно доказала обратное.

Так, отдельная глава монографии посвящена правовому регулированию и юридическому обеспечению проводимой в обозначенном десятилетии в Советском Союзе и России этнонациональной политики. Советское государство и российская республика в его составе - мультинациональные по этническому составу населения государственные образования. В связи с этим государственная власть была объективно поставлена перед необходимостью решать проблему межнациональных (межэтнических) отношений, от состояния которых во многом, если не во всем, зависела судьба государства. Советское национальное строительство - первый мировой опыт выстраивания подобного рода отношений в условиях нового государственного и общественного строя в двух измерениях: вертикальном (нация, национальность, этнос - государство) и горизонтальном (национальность - национальность, этнос - этнос). В посвященной этому главе показано, как триумфально и взвешенно советская власть справилась с проблемой обеспечения межнационального единства и в Советском Союзе, и в России. Именно успех советской национальной политики объективировал неотвратимость победы многонационального и сплоченного советского народа в Великой Отечественной войне. Ставка гитлеровской коалиции государств на развал Советского Союза из-за межнациональной розни оказалась ошибочной. Удачным было и формирование законодательства о гражданстве, необходимость систематизации которого была объективирована вхождением перед самой войной в состав Советского Союза прибалтийских республик, а после войны - процессом репатриации ранее депортированных народов и реабилитации репрессированных граждан.

При суммировании перечисленных достоинств обогатившей сокровищницу отечественной научной мысли рукописи, не будет преувеличением констатировать, что монография «Развитие российского права в 1940-е годы» весьма насыщена данными, осознание непреходящего значения которых способствовало бы воспитанию подрастающего поколения россиян, определенная часть которого, в силу объективных или субъективных причин, не всегда заинтересована в познании прошлого своего Отечества или не имеет доступа к достоверной информации о том далеком времени. В силу этого, данная монография, без сомнения, выполняет не только просветительскую, но и воспитательную функцию. Поэтому распространение этого издания в научных коллективах, среди обучающихся всех уровней и интересующегося историко-правовой тематикой населения было бы весьма продуктивным для укрепления патриотических настроений в современном российском обществе, а также полезным с точки зрения передачи россиянам знаний о прошлом их Родины, без которых строительство России будущего теряет смысл.

Список литературы:

[1] Развитие российского законодательства в 1930-е годы / под общ. ред. С.А. Боголюбова и Д.А. Пашенцева. М.: Инфра-М, 2025. — 338 с.

[2] Развитие российского права в 1940-е годы: монография / [Боголюбов С. А., Пашенцев Д. А., Алексеева Л. Л. и др.]; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора С. А. Боголюбова, доктора юридических наук, профессора Д. А. Пашенцева. — Москва: ИНФРА-М, 2025. — 320 с.

[3] Российское государство в 1917 году = Russian state in 1917 [Текст] = The Russian state in 1917: монография / [Боголюбов Сергей Александрович, Пашенцев Дмитрий Алексеевич, Селезнев Владимир Аркадьевич и др.] ; ответственные редакторы С. А. Боголюбов [и др.]. - Москва : Юстицинформ, 2018. - 290 с.

[4] Российское законотворчество 1920-х годов монография / [Боголюбов С. А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Пашенцев Д. А., доктор юридических наук, профессор, Селезнев В. А., кандидат экономических наук, доцент и др.; ответственные редакторы: С. А. Боголюбов, Д.А. Пашенцев и др.]. — Москва : Юрлитинформ, 2019. — 455 с.

References:

[1] Development of Russian legislation in the 1930s / edited by. ed. S.A. Bogolyubov and D.A. Pashentseva. M.: Infra-M, 2025. - 338 p.

[2] Development of Russian law in the 1940s: monograph / [Bogolyubov S. A., Pashentsev D. A., Alekseeva L. L. and others]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor S. A. Bogolyubov, Doctor of Law, Professor D. A. Pashentsev. - Moscow: INFRA-M, 2025. - 320 p.

[3] The Russian state in 1917 = Russian state in 1917 [Text] = The Russian state in 1917: monograph / [Bogolyubov Sergey Aleksandrovich, Pashentsev Dmitry Alekseevich, Seleznev Vladimir Arkadyevich, etc.] ; responsible editors S. A. Bogolyubov [and others]. - Moscow: Justitsinform, 2018. - 290 p.

[4] Russian lawmaking of the 1920s monograph / [Bogolyubov S. A., Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Pashentsev D. A., Doctor of Law, Professor, Seleznev V. A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, etc.; responsible editors: S. A. Bogolyubov, D. A. Pashentsev and others]. — Moscow: Yurlitinform, 2019. — 455 p.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Теория государства и права» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@mipo.online или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью».

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места

работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);
3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей.

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, ChatGPT, DeepSeek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе "Антиплагиат" (организационный взнос в этом случае не возвращается).

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научно-правовой журнал

№ 3

(ИЮЛЬ-СЕНТЯБРЬ)

2026 ГОД

Подписано в печать 09.11.2026 г.
Формат 60x90/8. Тираж 100 экз.
Макет верстки разработан
в типографии издательства ООО «Юркомпани»
121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис В 218.